

ВОЙНА, ОКРУЖЕННАЯ ТАЙНОЙ.

1.

Всего удивительнѣе въ современной войнѣ та таинственность, которая окружаетъ передвиженіе армій и сраженія. Для цивилизованнаго міра, привыкшаго къ подробнымъ описаніямъ всѣхъ новостей, было что-то поразительное въ томъ покровѣ молчанія, который былъ наброшенъ на дѣйствія армій, противопоставленныхъ одна другой на границахъ. Однимъ почеркомъ военной цензуры пресса была приведена къ молчанію. Всѣ линіи сообщенія были внезапно прерваны. Напримѣръ, я говорилъ изъ Парижа съ Англіей и вдругъ остановился съ полуоконченной фразой передъ телефономъ, который прекратилъ дѣйствіе. Наказанія и штрафы грозили всякой газетѣ, которая осмѣлилась бы опубликовать хоть одно слово о военныхъ дѣйствіяхъ помимо официальныхъ communiqués, выпускаемыхъ съ тѣмъ, чтобы скрыть дѣйствительное положеніе дѣлъ. Только тщательно изучая планы мѣстностей изо дня въ день и, такъ сказать, микроскопически читая между строкъ, можно было ошущью набрести на что-нибудь, приближающееся къ точному факту, который могъ обнаружить побольше того расплывчатаго оптимизма и патриотическихъ фразъ, которыми были проникнуты первыя сообщенія военнаго министерства. По временамъ въ эти сообщенія вкрадывалось какое-нибудь названіе, которое послѣ взгляда на карту вызывало состояніе озабоченности и сомнѣнія. Возможно ли, чтобы непріятель достигъ такого-то пункта? Если такъ, передвиженіе нѣмцевъ было изумительно и угрожало Франціи. Но господинъ Маркизь де-Мессими, французскій военный министръ, былъ въ поразительно хорошемъ настроеніи духа. Онъ увѣрялъ французовъ день за днемъ, что ихъ героическая армія быстро подвигается впередъ. Онъ не сообщалъ подробностей постоянныхъ побѣдъ. Онъ не опубликовывалъ списки потерь. Сначала казалось, какъ будто бы война была безкровной.

2.

Я припоминаю одну парижскую картину въ первые дни августа. Въ большой комнатѣ, направо отъ лѣстницы, ведущей въ военное министерство, группа людей въ штатскихъ костюмахъ

сидить въ золоченыхъ креслахъ съ озабоченнымъ видомъ, какъ бы ожидая какой-то роковой вѣсти. У нихъ интересныя лица. Мои пальцы такъ и просятъ набросать ихъ на бумагу, но только Стейленъ былъ бы въ состояніи зарисовать эти парижскіе типы, которые, повидимому, принадлежать къ литературной братіи или же къ парижской богемѣ. Что имъ нужно въ военномъ министерствѣ? Они безъ устали курятъ папирсы, говорятъ *tête à tête*, или пристально смотрятъ на стальные каски и кирасы, развѣшенные по стѣнамъ, или на большіе стеклянные канделябры, висящіе съ потолка, какъ будто бы они могутъ сдержать свое нетерпѣніе, только устремивъ свои взоры на какой-нибудь неподвижный предметъ. Среди вызолоченныхъ креселъ, подъ зеркалами ампира, отражающими свѣтъ, стоятъ три желѣзныхъ кровати съ матрацами, набитыми соломой. По временамъ одинъ изъ присутствующихъ встаетъ съ кресла съ прямой спинкой и ложится во всю длину на одну изъ этихъ кроватей. Но спустя нѣсколько минутъ онъ безшумно встаетъ и прислушивается внимательно и нервно къ звуку рѣзкихъ шаговъ по блестящему паркету. Оказывается, всѣ эти люди ждутъ новостей. Они вскакиваютъ на ноги и толпятся вокругъ стола, когда входитъ господинъ съ охапкой бумаги, изъ которой онъ раздаетъ по листу каждой протянутой рукѣ. Это парижскіе журналисты получаютъ послѣдній бюллетень войны. Они читаютъ его молча, пожирая глазами нѣсколько строкъ, написанныхъ на машинкѣ. Вотъ она, роковая вѣсть! Эти клочки бумаги скажутъ имъ, хорошо ли идутъ дѣла Франціи или нѣтъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ сосѣду:

— *Tout va bien!* *)

Да, все идетъ хорошо, если вѣрить оффиціальнымъ бюллетенямъ, но на этомъ клочкѣ бумаги не много напечатано, и во всякомъ случаѣ совершенно не достаточно для людей, жаждущихъ детального изложенія новостей. Можетъ быть, въ слѣдующей депешѣ фактовъ будетъ побольше. Газетные сотрудники опять придутъ сюда курить папирсы, смотрѣть на стальные кирасы и испытывать свое терпѣніе. Эта маленькая сценка разыгрывается въ военномъ министерствѣ четыре раза въ день, и напряженная нервность всей страны скрывается за терпѣливымъ ожиданіемъ этихъ людей, долгъ которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы разсказать Франціи и всему міру, что этотъ день принесъ для французскаго оружія.

3.

Другая сцена приходитъ на память, когда я вспоминаю первые дни войны. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ на *Quai d'Orsay* болѣе спокойствія, чѣмъ въ военномъ. Трудно представить себѣ, что это зданіе было сценою міровой драмы нѣсколько дней тому назадъ, и въ одной изъ его комнатъ нѣмецкій аристократъ сказалъ нѣсколько спокойныхъ словъ, попросивъ затѣмъ

*) „Все идетъ хорошо“.

нѣкоторыя бумаги, и эти слова бросили миллионы людей въ смертельную борьбу противъ другихъ миллионовъ, захвативъ въ эту борьбу все, что мы понимаемъ подъ цивилизаціей. Я пошелъ въ это зданіе и ждалъ нѣсколько времени въ той комнатѣ, гдѣ когда-то Наполеонъ III ходилъ изъ угла въ уголъ передъ войной, окончившейся злополучно для Франціи. Въ скоромъ времени бархатныя занавѣси раздвинулись, вошелъ ливрейный лакей и сказалъ: „Monsieur le Président vous attend“ *). Меня провели въ другую комнату, маленькій кабинетъ съ окнами, выходившими въ садъ, тѣнистый и зеленый, со старыми деревьями, сквозь листву которыхъ струились лучи солнца. Каменная богиня улыбалась мнѣ черезъ открытыя окна. Я видѣлъ ее уголкомъ глаза, когда я поклонился мосье Думергу, министру иностранныхъ дѣлъ, и на нѣкоторое время премьеръ-министру Франціи. Почему-то мое воображеніе было занято этимъ мирнымъ уголкомъ, гдѣ греческая богиня улыбалась въ зеленомъ полумракѣ.

Но мосье Думергъ улыбался тоже съ тѣмъ выраженіемъ tout va bien, которое представляло маску, прикрывавшую тревогу каждаго государственнаго человѣка, которому была извѣстна правда. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ фразъ онъ заговорилъ о ходѣ войны и о значеніи ея для міра.

— Сама цивилизація,—сказалъ онъ,—зависитъ отъ успѣховъ на шего оружія. Цѣлыми годами Германія играла роль забіяки, основывая свою политику на грубой силѣ и потрясая своимъ мечемъ передъ глазами человѣчества. Она дошла до маніи въ своей военной гордости. Она проповѣдывала философію нахальства. А теперь, послѣ объявленія войны, которой никто изъ насъ не искалъ, какъ ведутъ себя эти нѣмцы? Какъ варвары! Ихъ обращеніе съ нашимъ посломъ постыдная неучтивость. Они вели себя по отношенію къ нашимъ консуламъ съ невѣроятной наглостью и грубостью. Варварская натура врага проявлялась до такой степени, что о ней всегда будутъ помнить. Къ счастью, на нашей сторонѣ европейская цивилизація. Всѣ культурные народы симпатизируютъ намъ. Они знаютъ, что Европѣ пришелъ бы конецъ, если бы Германская имперія съ ея политикой крови и желѣза, съ ея военной кастой и тиранніей усилилась бы еще больше и перешагнула границы всѣхъ цивилизованныхъ государствъ. Но въ окончательномъ исходѣ войны не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какія надежды можетъ питать Германія въ борьбѣ съ Великобританіей, сражающейся бокъ-о-бокъ съ Франціей, и съ Россіей, атакующей ея восточный фронтъ? Война можетъ затянуться надолго, она можетъ повести ко многимъ кровопролитнымъ битвамъ, но въ концѣ-концовъ врагъ будетъ уничтоженъ. Гдѣ хваленая организація Германіи? Наши плѣнные уже говорятъ намъ, что они умираютъ съ голоду, сражаясь съ нами. Кажется, что эти критики французской военной организаціи были уже деморализованы при первомъ выступленіи. Ils ont bluffé tout le temps! **). Я могу увѣрить васъ, что мы полны на-

*) „Господи! президентъ Васъ ожидаетъ“.

**) Они всегда хвастаются.

деждѣ и совершенно удовлетворены настоящимъ положеніемъ на театрѣ войны.

4.

Французскій министръ былъ „совершенно удовлетворенъ настоящимъ“. Его оптимизмъ ободрилъ меня, хотя его слова не объясняли того, что мнѣ хотѣлось знать, и не подняли уголка той завѣсы, которая скрывала шумъ битвъ и грохотъ орудій. Но французы уже захватили плѣнныхъ, и гдѣ-то въ пространствѣ шли массы людей, сражались и умирали.

Возвращаясь съ Quai d'Orsay послѣ прогулки, въ Champs Elysées въ золотыхъ сумеркахъ великолѣпнаго дня, когда лампы Парижа начали мигать, подобно звѣздамъ, въ свѣтлыхъ сумеркахъ и листвѣ самой прекрасной аллеи въ мірѣ, послышался топотъ копытъ, и я увидѣлъ кавалерійскій отрядъ. Это былъ эскадронъ Республиканской гвардіи, послѣдній вечерній патруль, объѣзжавшій вокругъ укрѣпленій Парижа. Я смотрѣлъ, какъ они промчались галопомъ подъ Триумфальной аркой съ ихъ черными *cuirasses*, развѣвавшимися подобно дыму съ ихъ касокъ. Они проскакали по направленію къ западу, къ багровой полосѣ на синемъ небѣ, и когда я медленно пошелъ обратно къ сердцу Парижа, бульвары уже были спокойны, и въ бархатистомъ мракѣ, который охватилъ меня, царили миръ и спокойствіе. Только безмолвіе улицъ говорило мнѣ, что Франція вела войну.

5.

Очевидно, было безнадежно оставаться въ Парижѣ въ ожиданіи официальнаго разрѣшенія сопровождать армію въ качествѣ корреспондента и проникнуть глубже въ сердце той тайны, которая съ каждымъ выпускомъ сообщеній военнаго министерства становилась все болѣе и болѣе непроницаемой. Чиновники были въ высшей степени любезны и всячески старались успокоить возбужденныя чувства тѣхъ, кто намѣревался быть военнымъ корреспондентомъ. „Вы получите разрѣшеніе черезъ нѣсколько дней, господа, если все будетъ итти также хорошо“. Они потребовали у насъ фотографическіе снимки въ двухъ экземплярахъ, медицинское свидѣтельство о здоровьѣ, рекомендаціи относительно нашихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, формальное прошеніе и объясненія частнаго характера. Но тѣмъ не менѣе война продолжалась, и мы ничего не видали.

Бюллетени возвѣстили о наступленіи французскихъ войскъ въ Эльзасѣ и занятіи Мюльгаузена и Альткирха, и вѣсти о великой побѣдѣ распространились по Парижу. Ликованіе моментально охватило улицы. Бульвары, странно спокойные до этого, наполнились мужчинами и женщинами, привлеченными изъ полумрака ихъ комнатъ этимъ сіяніемъ солнца побѣды. Магическая вѣсть гласила, что Эльзасъ возвращенъ Франціи... Только спустя много времени до Парижа донеслись странные и зловѣщіе

слухи о совершенно противоположномъ: о полкѣ, побросавшемъ свои ружья и бѣжавшемъ подъ градомъ снарядовъ, объ офицерахъ, разстрѣленныхъ своими, о генералѣ, исключенномъ со службы за тяжкія ошибки.

Больше новостей приходило изъ Льежа. Воображеніе Парижа, лишенное какой бы то ни было пищи, жадно ухватилось за кровавый банкетъ, данный храбрыми бельгійцами. По сообщеніямъ, приходившимъ безпорядочно днемъ и ночью, по четыре строчки въ одинъ разъ, можно было уяснить себѣ главные факты этого героическаго сопротивленія германскимъ легіонамъ. Мы какъ бы могли видѣть издалека огонь фортвъ вокругъ города, косившій наиболѣе прославленные полки нѣмецкой арміи, когда они шли на приступъ съ отчаянной храбростію.

— Если Льежъ еще держится, положеніе нѣмцевъ безнадежно, — говорили на парижскихъ бульварахъ. Льежъ держался долгое время и настроеніе Парижа было приподнято.

Но въ качествѣ журналиста, обязаннаго видѣть все своими глазами, я впалъ въ уныніе. Безполезно было оставаться въ Парижѣ, когда дни уходили одинъ за другимъ, и происходили событія, создававшія исторію. Офіціальное разрѣшеніе отлагалось до безконечности, вмѣсто него мы получали только красивыя и вѣжливыя фразы. Я рѣшилъ ѣхать на войну безъ разрѣшенія и вывѣдать ея тайны тѣмъ или другимъ способомъ. Съ этого времени начались мои приключенія, и скоро мои глаза привыкли къ трагическимъ зрѣлищамъ, а душа моя наполнилась невыносимыми горестями войны.

6.

Мои переживанья въ первые два мѣсяца войны представляютъ изъ себя какую-то странную смѣсь трагическаго и комическаго. Теперь они встаютъ передо мной, какъ какой-то длительный кошмаръ, вызванный приѣмомъ гашиша или опиума, фантастическій, полный смутныхъ видѣній, постоянно мѣняющихся на подобіе калейдоскопа. Передо мной проносятся яркія сильно и рѣзко очерченныя картины въ промежуткѣ между тусклыми, еле освѣщенными сознаніемъ отрывками воспоминаній, призрачными фигурами, мелькнувшими на мгновеніе лицами, разговорами, внезапно начатыми и исчезнувшими также неожиданно. Я какъ бы испытываю мучительное душевное волненіе, страшное угнетеніе, сразу переходящее въ противоположное чувство дикой радости. Взрывы хохота въ моменты страшнаго упадка духа, слезы, поднимающіяся какъ бы отъ самаго сердца и осушаемыя при появленіи грубаго фарса, красота и безобразіе въ ихъ неожиданныхъ контрастахъ, горе страны, страхъ и ужасъ великаго народа, страданія женщинъ и дѣтей, невыносимыя муки множества людей съ разнообразнымъ горемъ, все это служить мрачнымъ фономъ для страшнаго кошмара на яву, отъ котораго не было пробужденія.

Я все время разъѣзжалъ въ продолженіе этихъ восьми или девяти историческихъ недѣль, по большей части съ двумя ком-

паньонами, милыми людьми, чье присутствие и дружескія чувства были истиннымъ наслажденіемъ, несмотря на всѣ тѣ невзгоды, которыя встрѣчались намъ на каждомъ шагу. Не останавливаясь и безъ отдыха, въ теченіе этихъ недѣль, мы исколесили тысячи миль по всѣмъ направленіямъ и всѣми способами, въ воинскихъ поѣздахъ, въ скотскихъ вагонахъ, на автомобиляхъ, пѣшкомъ и на лошадяхъ. Соединеніе между Франціей и Англіей въ тѣ дни было почти прервано, и для того, чтобы доставить наши корреспонденціи домой, мы часто должны были сами везти ихъ черезъ Ламаншъ, прибѣгая къ отчаяннымъ средствамъ, чтобы попасть въ французскій портъ во время отхода парохода въ Англію. Останавливаясь на Флитъ-стритъ только на нѣскольکو часовъ, мы опять спѣшили въ Дувръ или Фолькстонъ, чтобы опять окунуться въ лихорадочную жизнь тѣснимой врагомъ Франціи. Позднѣе нашей главной квартирой сдѣлался Парижъ, куда мы пробирались по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, забытыхъ воинскими грузами или предоставленныхъ исключительно для перевозки огромныхъ массъ войскъ, пріѣзжая почти всегда ночью, усталые отъ недостатка сна, всѣ въ грязи благодаря нечистотѣ скотскихъ вагоновъ, наполненныхъ немытыми мужчинами и женщинами, голодные послѣ скудныхъ раціоновъ бисквитовъ и сыра, настолько изнуренные умственно и физически, что меня нѣсколько разъ принуждены были нести на рукахъ по лѣстницѣ въ мою комнату, потому что я былъ такъ слабъ, что не могъ даже волочить ногъ и не былъ въ состояніи поднять руки отъ одѣяла. Я припоминаю, какъ одинъ изъ моихъ компаньоновъ, Стратегъ, сидѣлъ молча сзади меня въ таксомоторѣ, который тяжело пыхтѣлъ по безконечно прямымъ дорогамъ Франціи мимо деревень, покинутыхъ всѣмъ ихъ населеніемъ, до тѣхъ поръ, пока изношенная старая машина не могла двигаться дальше и не остановилась безнадежно на пустынной дорогѣ, далекой отъ всякаго жилья. Тогда Стратегъ признался, что онъ слабъ какъ новорожденный младенецъ и не можетъ пройти и десяти шаговъ для спасенія своей жизни. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что мой пріятель сильный человѣкъ, который съ самаго дѣтства не былъ въ рукахъ докторовъ. Его слабость, судорожное подергиванье около его рта, измученное выраженье его глазъ тогда насъ сильно напугали. Философъ, который еще не началъ чувствовать пристуновъ своей старой тропической лихорадки, которая впоследствии заставляла его метаться по кровати и выкрикивать странныя слова ночью, покачалъ головой и заговорилъ съ необычной важностью, которая всегда придаетъ ироническій и мудрый видъ человѣку, юморъ и иронія котораго часто заставляютъ собесѣдниковъ судорожно кривиться отъ внутренняго смѣха. Но когда философъ посмотрѣлъ на сѣро-пепельный цвѣтъ лица Стратега, въ его глазахъ не свѣтилась искра юмора.

— Мы развили слишкомъ большую скорость,—сказалъ онъ.— Мнѣ кажется, мы забыли, что у человѣческой машины тоже есть свой предѣлъ. Это не только физическая усталость! Это означаетъ израсходование нервной энергіи. Все бѣдствіе вокругъ насъ,

эта проклятая штука тамъ,—онъ помахалъ своей рукой по направлению покрывавшихся мракомъ холмовъ, за которыми стояла огромная непріятельская армія,—зрѣлище всѣхъ этихъ бѣглецовъ, вышвырнутыхъ изъ ихъ городовъ и деревень, начинается сказываться на насъ, друзья мои. Мы слишкомъ долго тратили нашъ запасъ силъ и теперь мы какъ разъ на пути къ тому, чтобы выдохнуться!

Но мы продолжали тратить нашу энергію, смѣшиваясь постоянно съ волнами бѣженцевъ, съ массами войскъ, двигавшихся впередъ на фронтъ или назадъ во время отступленія, узнавая кое-что о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, скрытомъ подъ покровомъ тайны отъ остального міра, встрѣчая людей, которые могли рассказать намъ правду и неоднократно, какъ бы чудомъ, избѣгая смерти, къ которой мы шли, не зная ни расположенія непріятеля, ни пути, по которому онъ наступалъ.

7.

Паника, вызванная войной, до тѣхъ поръ пока она не захватила огромныя массы людей, носила въ себѣ сначала черточки комедіи, я имѣю здѣсь въ виду бѣгство туристовъ, внезапно застигнутыхъ войной въ курортахъ Европы. Всѣ они, за рѣдкими исключеніями, прибыли во Францію, Швейцарію, Италію и Египетъ съ туго набитыми кошельками и въ полномъ убѣжденіи, не омрачаемомъ даже тѣнью сомнѣнія, что къ ихъ удобствамъ приложатъ всѣ старанія гіды кампаніи Кука, управляющіе отелями, британскіе и американскіе консулы, и что иностранцы всѣхъ классовъ будутъ низко кланяться передъ ними, показывать имъ интересныя зрѣлища, носить ихъ балансы, даже лизать, если понадобится, подошвы ихъ сапоговъ. Развѣ не была Европа ихъ увеселительнымъ садомъ, предоставляющимъ имъ за стоимость сезоннаго билета, древніе монументы, знаменитыя картины, закаты солнца надъ швейцарскими озерами, историческія зданія, отмѣченныя звѣздочками въ Бедекерѣ, особенности аборигеновъ, притоны разврата, чтобы созерцать ихъ съ сознаніемъ своей добродѣтели, и хорошіе отели, въ которыхъ было принято объѣдаться.

Спокойствіе этихъ богатыхъ американцевъ и состоятельныхъ англичанъ было внезапно нарушено какъ бы громовымъ ударомъ. Они съ тревогой узнали, что противъ нихъ были поспѣшно изданы строгіе законы, которые приводились въ исполненіе съ необыкновенной жестокостью. Собранные въ одну толпу подъ общимъ именемъ *étrangers*—надо замѣтить, что сами они всегда смотрѣли на туземцевъ только какъ на иностранцевъ—туристы получили приказъ удалиться изъ нѣкоторыхъ мѣстностей и городовъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ подъ угрозой интернированія ихъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ на все время войны. Но для того, чтобы оставить эти мѣстности и города, они должны были имѣть паспорта—а едва ли хотя бы одинъ амери-

канецъ имѣлъ такой документъ—и получить отъ полиціи послѣ строгаго вопроса пропускъ, скрѣпленный военными властями.

Комедія началась съ перваго дня мобилизаціи и мало-по-малу превратилась въ настоящую трагедію, хотя сначала и было что-то комичное въ положеніи этихъ богачей, сразу низведенныхъ до уровня массы и нагруженныхъ бумажными деньгами, которыя стоили не больше турецкихъ облигацій, такъ что миллионеръ въ то время былъ не богаче нищаго, нельзя было не испытывать чувства жалости при видѣ ихъ унынія и бѣдствій.

Около commissariats de police въ Парижѣ и провинціальныхъ городахъ, какъ Дижонъ, Ліонъ и въ портахъ Кале, Булони и Діеппѣ длинныя вереницы этихъ туристовъ стояли другъ за другомъ и устало ожидали цѣлые часы, пока не придетъ ихъ очередь подвергнуться наблюденію полицейскихъ офицеровъ, угрюмыхъ и раздраженныхъ, благодаря постоянному потоку просьбъ и жалобъ, наблюденій относительно цвѣта ихъ глазъ и волосъ, формы ихъ носа и подбородка и „особыхъ примѣтъ“ ихъ красоты или безобразія.

— Я думаю, что я никогда больше не поѣду въ эту Европу!— сказала одна американская барыня, ожидавшая своей очереди цѣлыхъ пять часовъ на боковой улицѣ Парижа.—Жестокое и постыдно тренировать американскихъ гражданъ такъ, какъ будто бы они воры и мошенники. Я удивляюсь, почему президентъ Соединенныхъ Штатовъ не заявить свой протестъ противъ этого. Неужели здѣсь всѣ такъ невѣжественны, что имъ ничего не говорить имя Джошуа К. Шульца изъ Бостона въ штатѣ Массачусетсѣ?

Писецъ комиссара внутри зданія и ухомъ не повелъ при упоминаніи имени Джошуа К. Шульца изъ Бостона въ штатѣ Массачусетсѣ. Для него это имя не было магическимъ, и, повидимому, онъ думалъ, что эта супруга выдающагося лица попросту была шпіонка съ американскимъ паспортомъ. Онъ держалъ ее на углу улицы нарочно, хотя она и ждала уже цѣлыхъ пять часовъ.

8.

Расписаніе поѣздовъ утратило все свое значеніе съ перваго часа мобилизаціи. Путеводитель сталъ сплошной ложью, и штатскіе пассажиры допускались только на нѣкоторые поѣзда, которые шли безъ предварительнаго извѣщенія ночью и днемъ по желанію военныхъ, въ зависимости отъ движенія воинскихъ поѣздовъ. Толпы туристовъ испытывали невыносимыя муки, которыя и я дѣлилъ вмѣстѣ съ ними. Я помню одну сцену въ Дижонѣ, которая можетъ служить примѣромъ того, что происходило. Вслѣдствіе того, что въ тотъ день въ Парижъ отправлялся только одинъ единственный поѣздъ, триста или четыреста человѣкъ должны были ждать его въ теченіе доброй половины ночи въ запертой комнатѣ для ожидающихъ, гдѣ стояла жара и духота, благодаря спертому воздуху. Напрасно пассажиры умоляли выпустить ихъ на платформу, гдѣ было больше воздуха и мѣста.

Часовой съ примкнутымъ штыкомъ стоялъ спиной къ нимъ и заграждалъ имъ выходъ. Старыя барыни сидѣли въ отчаяніи верхомъ на своемъ багажѣ. Слабая дама рядомъ со мной упала въ обморокъ въ этой душной атмосферѣ. Я замѣтилъ, что она становится все блѣднѣе и блѣднѣе, и слышалъ ея вздохи, такъ что, когда она зашаталась, я подхватилъ ее и держалъ до тѣхъ поръ, пока ея мужъ не пришелъ мнѣ на помощь и не освободилъ меня отъ нея. Француженка держала на груди младенца, который плакалъ и кричалъ, не переставая. Другія маленькія дѣти тоже громко плакали, и молодыя дѣвушки съ чувствительными нервами были раздражены въ высшей степени этимъ крикомъ и вызывающимъ тошноту запахомъ, который наполнялъ эту запертую комнату.

9.

Для привыкшихъ къ комфорту свѣтскихъ людей, которыхъ всегда баловала судьба, такой родъ путешествія былъ настоящей пыткой. Нѣкоторые изъ нихъ почувствовали въ первый разъ въ жизни голодъ съ его нестерпимыми муками. Мы останавливались на маленькихъ станціяхъ, а еще чаще между станцій, и американскіе милліонеры и англійскіе аристократы были озадачены, узнавъ, что всѣ ихъ деньги не въ состояніи купить хотя бы одинъ бутербродъ. Большинство буфетовъ было до гола очищено арміей, проходившей на фронтъ. Еще больше мученій вызывала невыносимая жажда во время утомительнаго и безконечнаго пребыванія въ вагонахъ въ тѣ жаркіе іюльскіе и августовскіе дни.

Нужно отдать справедливость, что въ общемъ эти туристы, гонимые по Европѣ приближающимся призракомъ войны, вели себя мужественно и терпѣливо. Нѣкоторые изъ нихъ понесли тяжелые убытки. Отъ Базеля и Женевы до Парижа и Булони желѣзныя дороги были завалены ихъ покинутымъ багажемъ, слишкомъ громоздкимъ, чтобы его помѣстить въ переполненные поѣзда. На дорогахъ Франціи стояли сломанные автомобили, стоившіе огромныхъ денегъ въ Нью-Йоркѣ и Лондонѣ. Однако, благодаря тому, что стихійныя бѣдствія войны заставляютъ смотреть равнодушно на все остальное, и такъ какъ свобода и жизнь гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ богатство или роскошь, то эти богачи въ несчастіѣ весело братались другъ съ другомъ, обсуждая свои странныя приключенія и дѣлясь послѣднимъ глоткомъ горячаго чая изъ термоса съ великодушными инстинктами потерпѣвшихъ крушеніе, которые дѣляютъ свои припасы на пустынномъ островѣ.

10.

Бѣгство ищущихъ развлеченій было первымъ показателемъ того, какъ сурово отнесется война къ мирнымъ людямъ и какъ принесетъ она въ жертву своей цѣли ихъ удобства и ихъ занятія. Слава и извѣстность оказывались просто глупостью, когда они встрѣчались съ законами войны. Я видѣлъ, какъ одинъ

господинъ съ европейской репутаціей потрясалъ своей визитной карточкой передъ желѣзнодорожными служащими только для того, чтобы быть отсунутымъ назадъ ружейнымъ прикладомъ. Получить мѣста въ вагонѣ, уже переполненномъ до удушья, нельзя было ни за какія деньги. Угроза написать обличительное письмо въ „Times“ несколько не помогала старосвѣтскому англичанину, когда его поѣздъ переходилъ на запасной путь и стоялъ тамъ цѣлыми часами, чтобы дать дорогу воинскимъ поѣздамъ, непрерывно слѣдовавшимъ одинъ за другимъ и днемъ и ночью. Войну вели народы, и всякій, кто бы ни стоялъ на ея пути, раздавливался или отшвыривался въ сторону съ жестокимъ безразличіемъ. Ни міровая извѣстность, ни борьба съ неумолимымъ рокомъ, ни женская красота, ни слабость дѣтей не значила теперь ровно ничего. Значеніе имѣли только солдаты, пушки и припасы для пушекъ и людей.

11.

Тѣ французскіе солдаты, которые были посланы на неизвѣстный фронтъ, не зная мѣста своего назначенія и съ запрещеніемъ спрашивали о немъ, скоро оправились отъ потрясенія, вызваннаго неожиданнымъ призывомъ ихъ къ знаменамъ, и отъ трагедіи ихъ поспѣшной разлуки съ женами, возлюбленными, и что дороже всего сердцу французовъ, съ ихъ старыми матерями. Энтузіазмъ заставилъ сверкать ихъ глаза и пылать ихъ щеки. Присущая живость французской расы восторжествовала надъ мрачностью и сомнѣніями, которыя предшествовали объявленію войны. Неужели они никогда не устанутъ пѣть Марсельезу? Неужели весь этотъ смѣхъ, который доносится изъ товарныхъ вагоновъ и изъ оконъ вагоновъ третьяго класса, превратится въ стоны раненыхъ въ концѣ ихъ пути? Мнѣ тяжело было думать о ихъ неизбежной судьбѣ, когда я смотрѣлъ на нихъ. Они привязали цвѣты къ ручкамъ вагоновъ и переплели гирляндами рѣшетки платформъ. На ихъ кеи красовались цвѣты. Полныя руки крестьянскихъ дѣвушекъ приколоты букеты къ мундирамъ линейныхъ солдатъ артиллеристовъ, кирасиръ, драгунъ и fusiliers marines. Въ хорѣ Марсельзы врывались отрывки пѣсенъ, распѣваемыхъ въ кабачкахъ Монмартра и кафе-шантанахъ провинціальныхъ городовъ. Въ своихъ синихъ шинеляхъ и красныхъ шароварахъ они роились какъ пчелы на гигантскихъ поѣздахъ, которые проходили черезъ Гурнэ и Понтуазъ, Суанъ и Амьенъ. Сотни ихъ со смѣхомъ и шутками болтали ногами, усѣвшись на крышахъ вагоновъ. Они висѣли на желѣзныхъ лѣбестникахъ тормозныхъ будокъ. Иной разъ шестеро ихъ съ покраснѣвшими отъ вѣтра лицами устраивались сзади трубы паровоза. На аргъ парижскихъ закоулковъ или на діалектъ приморскихъ городовъ они перекидывались острыми словечками съ товарищами, ожидавшими поѣзда съ составленными ружьями на платформахъ, и шуточно объяснялись въ любви дѣвушкамъ, которыя бѣжали рядомъ съ ихъ поѣздами со смѣющимися глазами,

дерзкими языками и послѣднимъ прости: „Bonne chance, mes petits! Bonne chance et toujours la victoire!“^{*)} На каждой остановкѣ художники рисовали мѣломъ уродливыя лица на дверяхъ вагоновъ, внизу которыхъ они помѣщали или надписи, относящіяся къ смерти Вильгельма и банкетамъ въ Берлинѣ, или объявленія о даровыхъ поѣздкахъ на Рейнъ. За нѣсколько англійскихъ папиросъ, которыхъ было слишкомъ мало для такой массы людей, они съ энтузіазмомъ устраивали мнѣ оваціи, какъ будто бы я представлялъ собой Англію.

— Vive l'Angleterre! Vos soldats, où sont'ils, camarade?^{**)}

Гдѣ были англійскіе солдаты? Этотъ вопросъ всегда былъ у нихъ на языкѣ. Но я не могъ имъ отвѣтить. Это было странно: никакихъ свѣдѣній относительно отправки англійскихъ войскъ во Францію. Во французскихъ и англійскихъ газетахъ ни слова не было о британскихъ солдатахъ во Франціи. Случилась ли какая-нибудь необъяснимая задержка, или мы исполняли наше обязательство передъ Франціей втихомолку, и великая драма разыгрывалась при спущенномъ занавѣсѣ?

12.

Только на мгновеніе приподнялся занавѣсъ, и лордъ Китчеръ далъ знать англійскому народу, что англійскіе солдаты высадились по ту сторону Ламанша. Даже и тогда мы, корреспонденты, которые знали больше этого, не должны были ни словомъ не обмолвиться о мѣстности, куда они направились. Но это ничего не значило, тамъ какъ они были здѣсь. Мы услышали совершенно случайно родную рѣчь въ провинціальномъ городѣ Франціи и неожиданно наткнулись на батальонъ солдатъ, одѣтыхъ въ хаки, идущихъ и поющихъ на дорогѣ. Впервые тогда зазвучала во Франціи глупенькая пѣсенка, которая по какой-то странной прихоти судьбы стала боевой пѣснью британской арміи „It's a long way to Tipperary“, подхваченная французскими крестьянами и французскими дѣвушками, которые, въ тѣ первые дни, въ первомъ благородномъ порывѣ энтузіазма пѣли ее хотя и со смѣшнымъ акцентомъ, но съ глубокимъ чувствомъ, какъ если бы это былъ гимнъ, пѣли ее со всей ихъ любовью къ Англіи, всей ихъ надеждой на помощь Англіи, со всеѣмъ ихъ восхищеніемъ передъ этими гладко выбритыми юношами, идущими на войну, какъ спортсмены на большую игру. Я пріѣхалъ на одинъ день въ Парижъ, когда туда прибылъ генераль Френчъ, и даже теперь я какъ бы слышу восклицанія: „Vive l'Angleterre!“ которая неслась за автомобилемъ, въ которомъ съ триумфомъ послѣдовалъ нашъ генераль. Приказчицы Парижа бросали цвѣты изъ оконъ, когда моторъ проходилъ мимо. Густыя толпы горожанъ тѣснились на узкой улицѣ Faubourg St. Honoré и ждали цѣлыми часами передъ посольствомъ, чтобы увидѣть хоть мелькомъ энер-

^{*)} „Желаю успѣха, мальчики! Успѣха и постоянныхъ побѣдъ“.

^{**)} „Да здравствуетъ Англія! Ваши солдаты, вѣдь, наши товарищи“?

гичное, суровое и сосредоточенное, лицо человѣка, который явился со своими легіонами помочь Франціи въ великій часъ нужды. Они говорили другъ другу о непоколебимости его характера, о его массивной челюсти, которая, какъ они выражались, откусить голову Германіи. Они кричали на манеръ англичанъ „Heer, heer, hooga!“ когда они увидали впервые мундиры цвѣта хаки англійскихъ офицеровъ на ступеняхъ военнаго министерства. Прибытіе англійскихъ войскъ ободрило сердца французовъ. Имъ оно казалось залогомъ побѣды: „Съ Англіей, сражающейся бокъ-о-бокъ съ нами“, говорили они, „мы скоро будемъ въ Берлинѣ“!

13.

Поѣздъ, наполненный Королевскими саперами, прибылъ на одну изъ станцій, гдѣ я ждалъ своей очереди. (Въ тѣ дни я проводилъ долгіе часы томительнаго ожиданія на желѣзно-дорожныхъ станціяхъ). Впервые я могъ поговорить съ британскими Томми во Франціи, позжать имъ руку и пожелать имъ удачи. Какъ сильны были мои чувства при видѣ этихъ смѣющихся молодцовъ и при звукахъ лондонскаго акцента ихъ рѣчей! Они были такъ молодцоваты и такъ хорошо одѣты. Нѣкоторые изъ нихъ занимались своимъ туалетомъ въ вагонахъ, причесывая свои волосы какъ будто бы для пикника и бреясь передъ маленькими зеркалами, прибитыми къ сквозной рѣшеткѣ вагона платформы. Другіе, столпившись у открытыхъ дверей вагоновъ, со смѣхомъ отвѣчали французскимъ солдатамъ и крестьянамъ, которые хватили ихъ за руки и бормотали восторженные слова привѣта.

— Забавный языкъ, Билль!—сказалъ одинъ изъ солдатъ.— Ничего не могу понять. Но видно они говорятъ что-то хорошее!

Невозможно было сомнѣваться, что французскіе солдаты говорили хорошее, привѣтствуя своихъ англійскихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ велъ себя какъ полоумный. Схвативъ за руку молодого сапера, онъ плясалъ вокругъ него, выкрикивая радостный припѣвъ: „Сamarade! Samarade!“ что было смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно. Не удивительно, думалъ я, что французскій народъ вѣрилъ теперь въ побѣду, когда имъ на помощь пришли британцы. Джингоистическая гордость охватила меня. Наши Томми лучшіе солдаты въ мірѣ! Они весело пошли на войну. Они не ставятъ ни въ грошъ стараго фонъ-Клука и всѣ его полчища. Эти странные люди, видящіе въ войнѣ только родъ грандіознаго спорта будутъ сражаться какъ герои. Въ сторонѣ отъ меня два моихъ пріятели, Философъ и Стратегъ вели оживленные разговоры съ группой солдатъ. Я слышалъ взрывы хохота изъ вагона, откуда Томми смотрѣли на Философа. Онъ нашелъ уроженца Уаппинга и говорилъ съ солдатами на нарѣчій Стратерсрдана-Боу, мѣсто, гдѣ онъ провелъ свои молодые годы. Стратегъ встрѣчался раньше съ саперами во многихъ мѣстахъ ихъ стоянокъ въ Англіи. Они были изумлены его познаніями въ ихъ профессіи. А что мы здѣсь дѣлаемъ? Корреспонденты? Да, скоро

будетъ что написать въ газетахъ! Когда поѣздъ тронулся съ махающими руками изъ каждаго вагона, со смѣющимися лицами, уже тронутыми солнцемъ Франціи, сопровождаемый прощальными криками „Счастливый путь, ребята!“ и „Bonne chance, camarades“, три англичанина молча отвернулись и не были въ состояніи говорить нѣсколько мгновений. Почему это Философъ такъ забавно моргалъ глазами, какъ будто бы въ нихъ попала соринка? И почему Стратегъ сдѣлался вдругъ такимъ серьезнымъ, когда онъ смотрѣлъ на удалявшійся поѣздъ съ шапкой въ рукѣ, такъ что солнечные лучи блестѣли на его серебристо-сѣрыхъ волосахъ?

14.

Такъ британская армія прибыла во Францію, и удивительная глава въ противоположность всѣмъ прежнимъ хроникамъ была занесена въ исторію міра. Англійскіе батальоны располагались бивакомъ у старыхъ французскихъ зданій, которыя видѣли сцены революціи 1789 года, и въ тѣни тѣхъ церквей, колокола которыхъ весело звонили по случаю французскихъ побѣдъ или оплакивали своимъ похороннымъ звономъ французскія пораженія въ то старое время, когда наполеоновскіе генералы дрались съ англійскими полками ровно сто лѣтъ тому назадъ. Въ приморскихъ деревняхъ и городахъ, пропитанныхъ запахомъ дегтя, сѣтей, абсента и кислаго вина, я видѣлъ кавалерійскихъ лошадей въ каждомъ дворѣ. Улицы были завалены соломой, и англійскіе солдаты расхаживали въ предѣлахъ строго указанныхъ границъ, рассматривая почтовые открытки съ картинками и подмигивая каждой французской дѣвушкѣ, которая смотрѣла на нихъ черезъ рѣшетчатое окно. Только офицеры высшаго ранга знали, куда они пойдутъ. Солдаты, лишённые всякаго любопытства, были вполне удовлетворены сознаніемъ, что они на континентѣ и шли поколотить нѣмцевъ. На дорогахъ слышался шумъ и грохотъ англійскихъ пушекъ. Длинные колонны людей, одѣтыхъ въ хаки, издали напоминавшіе извивающуюся коричневую змѣю, двигались медленно по извилистымъ дорогамъ между сжатыми полями, съ разставленными на нихъ копнами или среди длинныхъ безконечно прямыхъ рядовъ тополей и по улицамъ причудливыхъ старыхъ городовъ и деревень съ выбѣленными домами, нависшими крышами и съ высокими каменными ступенями, ведущими въ амбары. Нѣкоторые изъ этихъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ почти ни въ чемъ не измѣнились съ того времени, какъ д'Артаньянъ и его мушкетеры въ дни Ришелье и Мазарини ѣхали по ихъ улицамъ въ поискахъ приключеній. И въ этихъ городахъ еще жилъ духъ д'Артаньяна, потому что среди нихъ выросли тѣ молодые кирасиры, которые выслѣживали улановъ въ проходахъ Вогезовъ, захватывая ихъ патрули, тотъ бы нѣмецъ было въ семь разъ больше, чѣмъ ихъ.

Англійскіе офицеры и солдаты не могутъ пожаловаться на ихъ встрѣчу во Франціи. Ихъ пріемъ былъ подавляющій, даже немного опьяняющій для молодыхъ солдатъ. Когда они прохо-

дили черезъ города, крестьянскія дѣвушки бѣжали по рядамъ съ огромными букетами полевыхъ цвѣтовъ которые онѣ раздавали въ руки солдатамъ. На каждой рыночной площади, гдѣ полки останавливались для отдыха, имъ предлагалось бесплатное вино, и загорѣлыя руки этихъ солдатъ изъ Шотландіи и Англіи покрывались поцѣлуями дѣвушекъ, сразу влюблявшихся, въ своемъ поклоненіи героямъ, въ этихъ молодыхъ людей съ ихъ смѣющимися сѣрыми глазами. Въ тѣ первые дни войны ничего дурного не было ни въ этомъ поклоненіи женщинъ, ни въ сердцахъ нашихъ солдатъ, шедшихъ по Франціи подъ звуки „Типперари“. Каждый, одѣтый въ хаки, могъ считать себя героемъ и требовать къ себѣ поклоненія на каждой дорогѣ во Франціи, на каждомъ углу стараго французскаго города. И только со временемъ этотъ романъ поблѣднѣлъ, и сущность человѣческой природы, въ которой добро смѣшалось со зломъ, разбила нѣкоторыя изъ французскихъ иллюзій, потребовавъ желѣзной дисциплины въ англійской арміи и заставивъ бѣдныхъ крестьянскихъ дѣвушекъ раскаяваться въ своемъ горячемъ порывѣ при первой встрѣчѣ съ англійскими солдатами.

15.

Въ то время, о которомъ я говорю, грубость и варварство войны еще не запятнала картины, написанной въ тонахъ хаки на зеленомъ фонѣ французской деревни. Я перечитываю одну изъ картинъ войны, которую я занесъ тогда въ мою тетрадку. Эта картина, проникнутая настроеніемъ тѣхъ минувшихъ дней, оказалась пророческой относительно того, что послѣдовало.

„Погода стоитъ великолѣпная. Спать ночью при дорогахъ и на поляхъ не представляетъ никакого неудобства. Мѣсяцъ заливаетъ поля Франціи своимъ серебрянымъ свѣтомъ и блеститъ на штыкахъ составленныхъ ружей британской арміи. Солдаты спятъ, покрывшись своими шинелями и положивъ подъ голову вмѣсто подушекъ свои ранцы. Каждая спящая фигура тонко очерчена этими серебряными лучами. Часовые ходятъ взадъ и впередъ по краю лагеря. Послѣдніе дни выдались невыносимо жаркими, и британскій Томми распахиваетъ свою куртку, оставляетъ рубашку открытой на груди и въ то время, какъ солнце придаетъ его лицу болѣе сильныя, богатые тона, онъ идетъ, распѣвая лондонскія пѣсни, какъ будто бы онъ шелъ по дорогѣ изъ Уэйбриджа или Уокинга. Многіе изъ нихъ совсѣмъ юнцы, безбородые мальчишки, которые еще не загрубѣли въ походной жизни и не получили боевого крещенія. Черезъ нѣсколько дней они не будутъ такими свѣжими и щеголеватыми. Передъ ихъ сѣрыми глазами будутъ постоянно носиться поля битвъ ночью, когда санитары ищутъ раненыхъ, лежащихъ среди мертвецовъ. Эти молодые люди еще не знаютъ того, что значитъ война, но они принадлежатъ къ той же породѣ людей, которая сто лѣтъ тому назадъ дралась подъ начальствомъ Веллингтона на Пиринейскомъ полуостровѣ. Нечего и сомнѣваться, что они поддер-

жать старыя традиціи своихъ полковъ и прибавять новую славу къ ихъ знаменамъ. Прежде чѣмъ кончится война эти англичане, распѣвающіе на своемъ пути въ своихъ нарядныхъ костюмахъ цвѣта хаки, будутъ все оборваны и въ лохмотьяхъ, съ ногами, обернутыми соломой, съ колючей щетиной на подбородкахъ, съ руками и лицами, запачканными порохомъ, пылью, грязью и кровью. Ихъ юношеская свѣжесть исчезнетъ, но тѣ, кто остаются въ живыхъ, получатъ — можемъ ли мы сомнѣваться въ этомъ? — награду побѣдителей за непреклонное мужество и непосколимую доблесть“.

16.

Вскорѣ послѣ того, какъ были написаны эти строки, я наткнулся на сцену, которая вполне оправдала мои предсказанія и даже оправдала ихъ слишкомъ быстро. На французской станціи, гдѣ пересѣкаются нѣсколько линій, послышалась англійская команда, и я увидѣлъ, какъ отрядъ людей въ хаки со знаками Краснаго Креста пробѣжалъ по платформѣ къ поѣзду, идущему съ сѣвера, съ носилками и бутылками съ водой. Отрядъ англійскихъ солдатъ прибылъ съ мѣста сраженія, называемаго Монсомъ. Меня вмѣстѣ съ французскими пассажирами съ другого поѣзда удерживали солдаты съ примкнутыми штыками, но я черезъ стальную щетину увидѣлъ группу Томми съ перевязанными головами, руками и ногами, выходящихъ изъ вагоновъ. Нѣкоторые изъ нихъ подвигались, поддерживаемые съ двухъ сторонъ сестрами милосердія. Ихъ лица, такія свѣжія, когда я видѣлъ ихъ на пути въ битву, стали сѣрыми и грязными и были выпачканы кровью. Ихъ мундиры цвѣта хаки были разорваны и изрѣзаны. Одинъ бѣдный мальчикъ жалобно стоналъ, когда его уносили на носилкахъ. Они были первой ужасной жатвой, скошенной безжалостнымъ жнецомъ. Я пристально смотрѣлъ на нихъ, испытывая родъ тошноты, гораздо болѣе мучительной, чѣмъ я испытывалъ въ послѣдствіи, когда я былъ свидѣтелемъ болѣе страшныхъ зрѣлищъ. Только тогда я понялъ, что въ этой войнѣ подъ покровомъ тайны, который я старался приподнять, людей дѣйствительно калѣчили и убивали, и что эту англійскую молодежь, израненную и изувѣченную привезли оттуда, откуда бѣжали толпы народа передъ нашествіемъ врага, котораго никто изъ нихъ не видалъ, но который подвигался подобно страшной черной тучѣ, ползущей по залитымъ солнцемъ холмамъ Франціи. Я успѣлъ перекинуться нѣсколькими словами съ однимъ изъ нихъ, раненымъ въ руку, хотя времени только хватило на мой вопросъ и на отвѣтъ, который не далъ мнѣ почти ничего.

— Намъ влетѣло здорово! — сказалъ сержантъ.

Онъ повторилъ эти слова, какъ будто въ нихъ заключалась вся истина.

— Намъ влетѣло здорово!

— Гдѣ? — спросилъ я.

Онъ махнулъ своей раненой рукой по направленію къ сѣверу и сказалъ: „У Монса“.

— Вы хотите сказать, что мы разбиты, отступаемъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Мы хорошо ихъ угостили за это. Да, они изрядно попла- тились. Но ихъ было слишкомъ много для насъ. Они лѣзли какъ вши... кипмя кишели... Мы не могли перебить ихъ всѣхъ... Тогда намъ влетѣло. Потеряли массу нашихъ... Я никогда не видалъ ничего подобнаго! Южная Африка?! Дѣтская игра по сравненію съ этой войной!

Онъ изобразилъ на лицѣ какой-то странный родъ улыбки безъ признака веселья въ его глазахъ и пошелъ дальше съ другими ранеными.

Монсѣ! Я впервые слышалъ объ этой битвѣ. И наши войска сильно пострадали. Непріятеля было слишкомъ много для насъ. Было ли это отступление? А можетъ быть бѣгство?

17.

На эти невыраженные словами вопросы отвѣтилъ Философъ.

— Раненые всегда видятъ все въ черномъ цвѣтѣ. Не легкая задача, скажу я вамъ, остановить этихъ мерзавцевъ-нѣмцевъ, но я вѣрю въ правосудіе Бога. Великая Сила не допуститъ побѣды прусскаго милитаризма. Онъ обязательно будетъ сметенъ съ лица земли изъ-за присущей ему гнили. Все будетъ отлично, дражайшій!

Стратегъ изучалъ свою карту и старался угадать, что случится въ будущемъ.

— Монсѣ. Я думаю, что нашей слѣдующей линіей защиты будетъ Ле-Като или Камбрэ. Если насъ сильно прижимаютъ, мы услышимъ также и о Сенъ-Кантэнѣ. Ясно, что мы отступаемъ, но я надѣюсь, что въ порядкѣ и сохранивъ линіи сообщенія.

— Ужасно!—сказалъ я.—Мы ничего не видимъ и не знаемъ. Рѣшительно ничего! Если бы намъ только попасть туда!

18.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы услышали громъ пушекъ, но мы увидали послѣдствія войны, кровь, отчаяніе и слезы очень скоро.

Французскія газеты, удѣляющія по необходимости весьма мало мѣста дѣйствительности, дающія только одинъ голый фактъ и страницу героическихъ фразъ, не могли намъ сказать, что за предѣлами Франціи врагъ дѣлалъ свое ужасное дѣло съ быстротой и жестокостью, и что послѣ задержки у Льежа его дѣятельность представляла страшную угрозу для союзныхъ армій. Я понялъ это во всей неприглядности истины, когда я очутился въ водоворотѣ бѣженцевъ.

Я уже коснулся волны паническаго бѣгства туристовъ, но это была просто шутка въ сравненіи съ дальнѣйшимъ, правда, нѣсколько жестокая. Послѣдовавшая за нею широко разлившаяся волна на этотъ разъ дѣйствительно несчастныхъ бѣглецовъ, до-

стигла высоты трагедіи, поглотившей всѣ мелочныя огорченія. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ съ начала августа я на каждомъ шагѣ сталкивался съ несчастными бельгійскими изгнанниками. Я окунулся въ самый омутъ ихъ горя, въ волны крови и хаосъ развалинъ и находился въ самомъ разгарѣ ужасовъ, ожидая каждое мгновеніе смерти. Недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ я странствовалъ по раззореннымъ мѣстностямъ и говорилъ съ бельгійскими бѣженцами. Я отдавался этому потоку изгнанниковъ и наблюдалъ ихъ жизнь въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ ихъ жилищъ, гдѣ они располагались подъ открытымъ небомъ въ полной безнадежности, ничего не требуя отъ судьбы, нанесшей имъ такіе тяжкіе удары, и ничего не ожидая отъ будущаго. Однако, я живо помню мои первыя впечатлѣнія о жестокости войны къ этимъ простымъ людямъ, которые хотѣли жить въ мирѣ и не имѣли повода для ссоры ни съ кѣмъ изъ своихъ сосѣдей. Какъ бы въ какомъ-то страшномъ сновидѣніи я видѣлъ первыя толпы бѣжавшаго населенія Бельгіи: бѣдныхъ старухъ, сѣдые волосы которыхъ были растрепаны этимъ ураганомъ бѣдствія, приличные черныя платья которыхъ были измяты, разорваны и запачканы въ стремленіи избѣжать ужасовъ нашествія, фламандскихъ матерей, прижимавшихъ къ груди младенцевъ, съ дико горящими глазами какъ у дикихъ звѣрей изъ-за страха за эти крошечныя существа, маленькихъ дѣтей, вырванныхъ изъ божественной безопасности дѣтства этимъ бѣгствомъ изъ домовъ, казавшихся имъ мірами, и терроризованныхъ неизвѣстнымъ ужасомъ, называемымъ Германіей, людей всѣхъ классовъ и всѣхъ возрастовъ, интеллигентовъ и крестьянъ, пожилыхъ буржуа, толщина которыхъ служила помѣхой въ ихъ бѣгствѣ, бѣдныхъ студентовъ, чьи усталыя отъ чтенія глаза были полны недоумѣнія, богатыхъ и вліятельныхъ людей, доведенныхъ до нищенства и униженія, учащихся дѣвушекъ, чье невѣденіе дѣйствительной жизни столкнулось лицомъ къ лицу съ безобразными и непристойными фактами, жестокими какъ адъ.

19.

Я думаю, что тѣмъ, кто не былъ свидѣтелемъ этого исхода, невозможно передать бѣдствія бельгійцевъ. Даже находясь въ разгарѣ бѣгства, я въ первое время часто былъ охваченъ странной мыслью, что все это только фантазія, и что такіе факты не могутъ быть дѣйствительными. Впослѣдствіи я до такой степени привыкъ ко всему этому, что начиналъ думать, что міръ всегда былъ таковъ; что люди всегда куда-то бѣжали; семьи и толпы семействъ странствовали безцѣльно изъ города въ городъ, садясь въ поѣзда только потому, что они направлялись куда-то откуда-то; просиживая часами на узлахъ, въ которыхъ было все ихъ имущество, оставшееся послѣ разрушенія ихъ жилищъ; теряя на пути своихъ дѣтей безъ особеннаго безпокойства и подбирая другихъ дѣтей, о которыхъ они пеклись какъ о своихъ собственныхъ; не умываясь ни разу въ этомъ странствованіи, такъ что

изящныя женщины, душившіяся раньше тонкими духами, были грязны какъ цыганки и не стыдились своихъ запачканныхъ платьевъ и грязныхъ рукъ; питаюсь, когда они находили пищу, подаваемую имъ какъ милостыню и проводя ночи на запасныхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ, въ угольныхъ сараяхъ и на заброшенныхъ поѣздахъ, поставленныхъ на покрытые травой рельсы; относясь равнодушно на подобіе бродячихъ собакъ къ тому, что готовить для нихъ будущее, послѣ того, какъ они потеряли все, что имъ принадлежало въ прошломъ.

20.

На запасныхъ путяхъ около Калэ можно было видѣть зрѣлище, которое указывало на пораженіе Бельгіи еще отчетливѣе, чѣмъ тысячи бѣженцевъ. Сотни бельгійскихъ паровозовъ были пущены черезъ границу во Францію, чтобы избѣжать рукъ непріятеля. Эти брошенные паровозы стояли длинными рядами съ печальнымъ видомъ безжизненности и заброшенности, и когда я смотрѣлъ на нихъ, я понималъ, что, хотя остатки бельгійской арміи еще сражаются въ послѣднихъ окопахъ и держатся въ Антверпенѣ противъ осадныхъ германскихъ орудій, надежды на долгое сопротивленіе бельгійцевъ не оставалось больше никакой. Эти машины, которыя должны были бы служить для перевозки бельгійскихъ солдатъ, провіанта и пушекъ, стояли неподвижно и представляли изъ себя мертвые символы побѣжденнаго и раззореннаго народа.

21.

Наконецъ, я увидалъ бельгійскихъ солдатъ во Франціи, хотя ихъ было немного въ сравненіи съ огромной арміей, которую въ послѣдствіи послѣ паденія Антверпена я видѣлъ при ея отступленіи въ Дюнкирхенъ. Ихъ изнеможенный и подавленный видъ рассказалъ мнѣ ихъ горестную повѣсть. На первый взглядъ было что-то комичное въ обликѣ этихъ солдатъ, носящихъ на головахъ цилиндры. Они напомнили мнѣ батальоны лондонскихъ извозчиковъ, которые когда-то разбивали сорные ящики на улицахъ за то, что ихъ лишили цилиндровъ. Двубортные сюртуки этихъ солдатъ были какъ разъ скроены такъ же, какъ и у тѣхъ старозавѣтныхъ возницъ, которые возсѣдали наверху своихъ дряхлыхъ кэбовъ. Другія части бельгійцевъ носили смѣшныя маленькія кепи съ огромными козырьками, по большей части сломянными и висѣвшими съ унылымъ видомъ. Во время мира я посмѣялся бы надъ ними, но въ настоящее время въ этихъ угрюмыхъ грязныхъ людяхъ изъ Гента, перенесшихъ первый ударъ нѣмецкихъ атакъ, не было ничего смѣшного. Они, казалось, отупѣли отъ недостатка сна или отъ шума битвъ. Я спросилъ ихъ, куда они идутъ, но они только покачали головами и отвѣчали мнѣ мрачно:

— Мы не знаемъ. Мы ничего не знаемъ кромѣ того, что наша Бельгія погибла. Скажите, какія новости вамъ извѣстны?

22.

Новостей никакихъ не было—развѣ кроме тѣхъ, что можно было извлечь изъ безсвязныхъ разсказовъ бельгійскихъ бѣженцевъ. Французскія газеты все еще печатали туманные и бодрыя статьи о военномъ положеніи Франціи и пополняли свои уменьшенные листы краснорѣчивыми панегириками въ честь храбрыхъ маленькихъ бельгійцевъ—*les braves petits Belges*. Война все еще была скрыта за непроницаемой стѣной молчанія и тайны. Однако, въ то время, какъ я пробирался тайкомъ по дорогамъ западной Франціи во второй половинѣ августа, для меня, какъ и для двухъ моихъ пріятелей, Философа и Стратега, подтвердившихъ мои худшія подозрѣнія, стало ясно, что положеніе какъ французской, такъ и бельгійской арміи было тяжело въ высшей степени. Несмотря на трудность приблизиться къ зонѣ военныхъ дѣйствій,—въ то время еще линія фронта была неизвѣстна—мы уже видѣли то, что не могъ скрыть отъ насъ ни одинъ цензоръ. Мы видѣли слишкомъ ясно, что военныя дѣйствія приближались къ намъ рѣшительно и быстро. Тѣнь мрачнаго ужаса надвигалась на поля Франціи, хотя эти поля и были освѣщены золотыми лучами солнца.

23.

За схлынувшей волной спасающихся туристовъ, обгоняя бельгійскихъ бѣженцевъ, появились новые потоки охваченныхъ паникой людей, на этотъ разъ уже французовъ. Они шли изъ сѣверныхъ городовъ—Лиля, Рубэ, Туркуэна, Армантьера и изъ множества деревень, далекихъ отъ враждебной арміи, которая, какъ мы воображали, полагаясь на официальные сообщенія французскаго военнаго министерства, была остановлена въ Бельгій. Бѣглецы изъ Лиля? Но развѣ Лилю угрожали войска кайзера? Нѣтъ, этого не можетъ быть, если только измѣна не свила своего гнѣзда во Франціи. Конечно, Лиль будетъ держаться, по крайней мѣрѣ, будетъ держаться такъ же долго, какъ и Льежъ! Развѣ мы не читали длинныхъ статей военныхъ экспертовъ во французскихъ газетахъ, описывающихъ твердыню этого города и неприступное положеніе его фортвъ? Однако, передо мной были бѣглецы изъ Лиля, которые слышали ревъ нѣмецкихъ пушекъ и принесли невѣроятныя исторіи объ отступленіи французскихъ войскъ, называя имя одного французскаго генерала съ горькимъ презрѣніемъ, и восклицая какъ и въ прежнюю войну „*Nous sommes trahis*“!

Бѣженцы съ сѣвера Франціи были въ такомъ же жалкомъ положеніи какъ и тѣ, что прибывали изъ Бельгій, даже еще въ болѣе жалкомъ, потому что, когда они достигли портовыхъ городовъ, какъ Калэ, Булонь или Гавръ, всѣ гостиницы и дома были переполнены отъ чердаковъ до подваловъ, буфеты были опустошены, и комитеты для оказанія помощи были уже заняты страшной нуждой бѣглецовъ изъ Бельгій.

Я помню сутки, проведенныя мною въ Булони. Узкія улицы съ отвратительными испареніями, вызванными горячими лучами солнца, были заполнены волнующимися толпами, которыя становились все гуще и гуще, когда новые поѣзда прибывали изъ Калэ, Дюнкирхена и узловыхъ станцій сѣверныхъ линій. Вѣженцы несли съ собой остатки своего имущества, завязанныя въ одѣяла, простыни, полотенца и въ куски рваной бумаги. Узлы странныхъ формъ, содержащіе мѣдныя кастрюли, сковороды, чаши, посуду и домашній скарбъ всякаго рода, а также особенно дорогія для бѣглецовъ вещи были сложены въ огромныя кучи на мостовыхъ или набережныхъ, гдѣ сидѣли цѣлыя семьи. Дюжій матери изъ Нормандіи и Пикардіи еле тащились по улицамъ съ дѣтьми, цѣпляющимися за ихъ юбки, съ младенцами, прижатыми къ ихъ груди вмѣстѣ съ большими французскими ковригами хлѣба, ихъ продовольствіемъ во время горькаго путешествія. Старые дѣды и бабки, видъ которыхъ какъ бы давалъ понять, что они до сихъ поръ ни разу не покидали своихъ деревень, шли держась за руки съ трясущимися головами и слезящимися глазами, растерянные отъ всей этой массы волнующихся людей, выбитыхъ, какъ и они, изъ жизненной колеи. Состоятельные буржуа съ раздраженными нервами, благодаря волненію и усталости, искали помѣщенія гдѣ угодно и за какую угодно цѣну. Ихъ чуть не сбивали съ ногъ толпы лохматыхъ крестьянъ въ тяжелыхъ сабо, съ узлами за плечами, которые бродили по улицамъ въ поискахъ того же самаго для своихъ женщинъ и дѣтей, сонныхъ и еле плетущихся за ними. Я услышалъ, какъ одна женщина вдругъ закричала съ отчаяніемъ: „Je n'en peux pas!“ Измученная и не способная итти дальше, она вдругъ остановилась, бросила свои узлы и своихъ дѣтей и, прислонившись къ раскаленной солнцемъ стѣнѣ, провела заглубленной рукой по своему лбу со стономъ душевной боли:

— Dieu!.. C'est trop! C'est trop!*)

Цѣлый день эти сцены повторялись безъ конца пока, наконецъ, я не былъ въ состояніи выносить ихъ больше и ушелъ въ свой номеръ гостиницы, что заставило меня почувствовать, что я чудовище, такъ какъ я раздѣлялъ комнату только съ двумя моими друзьями. Когда стемнѣло, въ Булони стало тихо. Можетъ быть, благодаря какому-нибудь чуду всѣ эти бездомные нашли себѣ пріютъ... Я пробудился отъ тяжелого сна и услышалъ шаги безчисленныхъ ногъ. Новая армія бѣженцевъ вошла въ городъ. Я услышалъ жалобные голоса подъ моимъ окномъ, спорящіе и умоляющіе. Послышались удары въ дверь, выходившую на улицу.

— C'est impossible! Il n'y a pas de place! Il y a une foule, qui dort en plein air. Voyez! Voyez!**)

*) „Боже!... Это слишкомъ! Это слишкомъ!“

**) Это невозможно. Мѣста нѣтъ. Цѣлая толпа спитъ подъ открытымъ небомъ. Посмотрите! Посмотрите!

Ночной привратникъ захлопнулъ съ бѣшенствомъ двери. Можеть быть, и онъ почувствовалъ жалость на ряду съ бѣженствомъ, но что онъ могъ подѣлать, когда съ улицы требовали доступа туда, гдѣ уже шесть человѣкъ спало въ ванной и шестьдесятъ на полу въ залѣ, а неподвижныя фигуры, закутанныя въ одѣяла, подобно трунамъ, лежали по всѣмъ корридорамъ?

— Массы людей спятъ подѣ открытымъ небомъ,—сказалъ онъ и, когда я высунулся изъ окна, всматриваясь во мракъ ночи и вдыхая воздухъ, проникнутый осеннимъ холодкомъ, я смутно разобралъ внизу на мостовой фигуры, лежавшія у входа въ дома и подѣ стѣнами. Младенецъ заплакалъ своимъ тонкимъ голоскомъ. Подѣ моимъ окномъ послышались рыданія женщины и мужской голосъ, успокаивающій ее.

— C'est la guerre*!)

Эти слова донеслись ко мнѣ, какъ бы въ видѣ отвѣта на вопросъ, возникшій въ моемъ умѣ, къ чему все это и зачѣмъ.

— C'est la guerre!

Да, это была война съ ея жестокостію къ женщинамъ и дѣтямъ во всей ея чудовищной нелѣпости, съ ея бессмысленнымъ разрушеніемъ всего того, что было создано цивилизаціей. Мирные люди не должны были ждать пощады, хотя они не просили войны и ненавидѣли ее.

ГЛАВА IV.

ОТСТУПЛЕНІЕ.

1.

Зловѣщія событія происходили при полномъ молчаніи французскаго правительства. Боже мой! Придется ли Франціи снова испытать страшный годъ—*année terrible*, второе изданіе 1870 года съ тою же самой повѣстью о неготовности, продажности въ высшихъ кругахъ, развалѣ организаціи и національномъ униженіи послѣ непоправимаго бѣдствія?

Самая неопредѣленность официальныхъ сообщеній и умѣлая подтасовка словъ для приданія розоваго оттѣнка мрачной дѣйствительности указывали тѣмъ, кто доискивался правды, на страшную неопредѣленность положенія. Однако, вся строгость цензуры съ ея драконовскими мѣрами съ цѣлью скрыть правду не могли утаить нѣкоторыхъ ужасающихъ фактовъ. Нельзя было зажать ротъ всѣмъ бѣженцамъ, хлынувшимъ, подобно потоку съ сѣвера, хотя и ни одинъ изъ ихъ рассказовъ не появился въ печати. Они прибывали съ новостями, что Лилъ былъ осажденъ, что нѣмецкая волна катится на Армантьеръ, Рубэ, Туркуэнъ и Камбрэ, что французы и англичане поспѣшно отступаютъ. Вражеская кавалерія раскинулась огромнымъ вѣеромъ по сѣверу Франціи съ разбѣздами улановъ, проникавшими въ тѣ деревни,

*) Это война!

гдѣ старымъ французскимъ крестьянамъ и во снѣ не снилось быть близко къ боевой линіи, пока, поднявъ головы отъ картофельнаго поля или глядя на сложенный хлѣбъ, они не видѣли передъ собой остроконечныя каски и блескъ солнца на нѣмецкихъ карабинахъ.

Среди бѣглецовъ были и такіе, которые видѣли начало битвы и бѣжали, прежде чѣмъ онѣ кончились. Я встрѣтилъ нѣсколько крестьянъ изъ Ле-Като, которые до ихъ бѣгства молча смотрѣли на знакомые имъ холмы, по которымъ проходила большая армія чуждыхъ для нихъ солдатъ. Первыми пришли англичане въ облакахъ пыли, которая покрыла какъ бы цудрой ихъ мундиры и побѣлила ихъ сожженные солнцемъ лица. Они, казалось, отчаянно спѣшили и воздвигали земляные холмики, какъ дѣти, строящія домики изъ песку, и кидались въ придорожныя ямы, и ложились на животы на свекловичныхъ поляхъ. Они были веселы и громко хохотали, разбрасывая кругомъ жестянки отъ консервовъ и непрестанно курили папиросы, лежа на землѣ, палимые солнцемъ, съ ихъ ружьями наготовѣ. Ихъ пушки повернулись кругомъ и уставили дула на возвышенность, откуда они пришли. Французскіе крестьяне стояли вокругъ нихъ, ухмыляясь на этихъ англичанъ, которые не понимали ни слова по-французски, но все время весело болтали на своемъ языкѣ. Война казалась страшно далекой. Птицы распѣвали пронзительнымъ хоромъ. Золотистые цвѣты блестѣли на зеленыхъ лужкахъ. Солнце припекало скаты холмовъ и кидало черныя тѣни отъ густой листвы деревьевъ. Это было мирное время жатвы, которое было знакомо этимъ крестьянамъ въ теченіе всей ихъ жизни. Вдругъ внезапно трескъ ружейныхъ затворовъ и быстрая перемена въ положеніи англійскихъ юныхъ солдатъ, которые устремили свои взоры къ сѣверу, гдѣ дюны мягко поднимались и опускались, заставило французскихъ крестьянъ обратить свои взоры въ эту сторону, прикрывая рукой глаза отъ горячаго солнца. Что это за сѣрая тѣнь, которая тамъ двигалась? Что означали эти искорки и вспышки огня въ этой сѣрой массѣ? Что такое представляли изъ себя всѣ эти тысячи существъ, на подобіе муравьевъ, ползущія по холмамъ? Тысячи и десятки тысячъ людей, лошади и пушки!

— Les Anglais? Toujours les Anglais*)?

Англійскій офицеръ странно засмѣялся, не обнаруживая радости въ своихъ глазахъ.

— Les Allemands, mon vieux. Messieurs les Boches**)?

— L'ennemi? Non, pas possible***).

Но оказалось вполне возможнымъ, что это и былъ непріятель, когда со стороны этой арміи муравьевъ на холмахъ вылетѣли маленькіе клубы бѣлаго дыма и язычки пламени, и когда почти тотчасъ же нѣкоторые изъ англійскихъ юношей, свернув-

*) Англичане? Всегда англичане?

**) Нѣмцы, старина, господа, боши!

— „Враги? Не можетъ быть!“

шись, легли на свои ружья, уткнувъ свои загорѣлыя лица въ горячую землю. Миръ поля жатвы былъ нарушенъ ревомъ пушекъ и свистомъ пуль. Въ синеву неба потянулись облака зеленоватаго дыма. Куски зазубренной стали, подобно летучимъ серпамъ, подкашивали деревья у дороги. Свекловичныя поля выбрасывали вверхъ землю, и огромныя ямы были вырыты невидимыми плугами.

На отдаленныхъ холмахъ позади облаковъ дыма и вспышекъ огня показалась безчисленная армія и двинулась внизъ по направлению къ этимъ британскимъ солдатамъ.

Тогда крестьяне бѣжали въ великомъ страхѣ и ужасѣ.

2.

Въ нѣкоторыхъ изъ портовыхъ городовъ сѣверной Франціи стояла необычайная тишина. Сначала, когда я переѣхалъ изъ Калэ въ Булонь и затѣмъ въ Гавръ, я не могъ понять этого. Въ Калэ я встрѣтилъ небольшіе отряды, выступавшіе изъ города рано утромъ, послѣ чего въ городѣ не было видно ни одного солдата. Въ Булони случилось то же самое, всема спокойно, безъ звуковъ трубъ и грохота барабановъ. Не только ушли всѣ солдаты, но за ними послѣдовала и полиція. Я видѣлъ, какъ выстроенные въ ряды полицейскіе уходили, при чемъ каждый изъ нихъ несъ маленькій узелокъ, на подобіе бѣженцевъ, которые несли все ихъ оставшееся имущество завернутымъ въ одѣяло или въ носовой платокъ. У моря, на набережной, не осталось ни одного таможеннаго для осмотра багажа тѣхъ немногихъ путешественниковъ, которые переѣхали проливъ и, высадившись теперь на берегъ, были поражены тѣмъ, что ни одинъ носильщикъ не бросался къ ихъ чемоданамъ, и не слышно было привычнаго крика таможенныхъ: „Avez-vous quelque-chose à déclarer? Tabac? Cigarettes?..“ Въ первый разъ на памяти живущихъ, а можетъ быть, и въ исторіи порта, Булонская таможня покинула свою контору. Что все это значило? Почему улицы были такъ пусты, какъ будто въ городѣ свирѣпствовала чума?

Что-то въ родѣ страха передъ чумой замѣчалось во взглядѣ нѣсколькихъ рыбаковъ и портовыхъ рабочихъ, которые стояли группами на углахъ улицъ. Въ ихъ глазахъ замѣчался дикій страхъ, и они говорили, понизивъ голоса, какъ бы обсуждая свою горькую участь. Даже видъ домовъ съ окнами, закрытыми ставнями и съ заколоченными дверями какъ бы указывали на чуму. Городъ, въ которомъ раздавались звуки шаговъ британскихъ полковъ и звуки „Типперари“, эти улицы, на которыя вливались волна за волной толпы бѣженцевъ, представляли изъ себя царство безмолвія за исключеніемъ нѣсколькихъ тѣней, крадущихся въ сумеркахъ вечера и шепчущихъ зловѣщія рѣчи.

Ужасная истина озарила мой умъ. Порты Франціи были оставлены безъ защиты. Они были открыты для непріятеля, и если бы въ Калэ и Булонь вѣхалъ уланъ или нѣмецкій офицеръ въ

автомобилѣ съ тремя солдатами, представляя, такимъ образомъ, непріятельскую армію, оба города сдались бы безъ выстрѣла.

Этотъ фактъ теперь кажется удивительнымъ и непостижимымъ, если вспомнить, что мѣсяцы послѣ этого непріятель старался пробиться въ Калэ и не успѣлъ въ этомъ послѣ отчаянныхъ атакъ, стоившихъ жизни тысячамъ нѣмецкихъ солдатъ, и упорной защиты, которая нѣсколько разъ была почти сломлена. „Борьба за Калэ“ представляетъ страницу исторіи, которая для нѣмцевъ записана кровью. Вспоминаешь съ удивленіемъ, что въ концѣ августа Калэ могъ достаться имъ даромъ съ Булонью и Діеппомъ, если бы они рѣшили туда направиться.

Даже Гавръ, какъ британская база, долженъ былъ быть покинутъ вскорѣ послѣ того, какъ гигантскіе запасы продовольствія и военныхъ матеріаловъ были собраны здѣсь для нашей экспедиціонной арміи. Я видѣлъ поспѣшные приготовленія къ вывозу всего этого. Китченеръ выпустилъ изумительный приказъ, заставившій нѣкоторыхъ юныхъ джентльменовъ изъ интендантства многозначительно свистнуть и сказать вполголоса: „Боги! Однако, дѣла идутъ какъ будто бы неважно“. Мѣсто новой базы было выбрано дальше къ югу, въ Сентъ-Назерѣ, куда должна была быть отправлена безъ промедленія послѣдняя жестянка мясныхъ консервовъ. Да, дѣла тогда шли неважно.

3.

Въ настоящее время позволительно писать о нашихъ ошибкахъ и объ ошибкахъ нашихъ французскихъ союзниковъ, которые искупили ихъ все, благодаря высокому національному героизму и упорнымъ усиліямъ, приложеннымъ ими къ дѣлу организации, которой, къ прискорбію, имъ не хватало въ началѣ войны. Зная ужасающія ошибки въ началѣ войны и чудесное избавленіе отъ страшной трагедіи въ самый послѣдній моментъ, нужно признать, что внезапное пробужденіе Франціи, давшее ей возможность стряхнуть свою летаргію и тщеславіе и кинуться бѣшено на врага, который чуть не заставилъ ее пасть на колѣна, представляетъ собою одно изъ блестящихъ событій мировой исторіи, которое уничтожаетъ всякую злобную критику.

Но тогда, до этого пробужденія, дни были полны мученія для тѣхъ, кто хоть сколько-нибудь зналъ истину. Какой фатальный микробъ безумія заставилъ французскихъ генераловъ пуститься въ эту странную авантюру, походъ въ Эльзасъ? Чувство побѣдило здравый смыслъ и послало лучшія войска Франціи къ границамъ ея утраченныхъ провинцій, съ тѣмъ, чтобы Парижъ могъ испытать день экстаза возлѣ статуи Quand-Même. Въ то время какъ нѣмцы задерживались ненадолго у Льежа, пробивали свой путь черезъ Бельгію, указывая направленіе, по которому они наводняютъ Францію, французская дѣйствующая армія была собрана на востокъ между Люксембургомъ и Нанси и тратила свои силы, которыя должны были бы преградить вторженіе съ сѣвера, на попытку захватить Мюльгаузенъ и Альткирхъ. Эта попытка дала

Жоржу Скотту сюжетъ для прекрасной аллегоріи, помѣщенный въ L'Illustration, а именно французскаго солдата, обнимающаго эльзасскую дѣвушку, освобожденную отъ нѣмецкаго гнета. Эта попытка дала возможность парижскимъ журналистамъ, принужденнымъ молчать относительно положенія на театрѣ войны, написать героическія слова о печали, превратившейся въ радость и ликование. Только неосторожная рѣчь одного депутата намекнула на потери подъ Мюльгаузеномъ, гдѣ полкъ, набранный изъ южанъ, дрогнулъ и бросился бѣжать подъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ, потому что его не поддержала собственная артиллерія. „Уволены въ отставку два генерала!“ „Нѣсколько офицеровъ разстрѣляно!“ Трагическіе слухи доходили до Парижа, нарушая его мечты о непреодолимомъ наступленіи французовъ.

Однако, ни Парижъ, ни французскій народъ не слышали ничего серьезнаго, кромѣ этого. Они не знали—да и какъ могли они знать что-нибудь о войнѣ, окруженной тайной?—что французскія арміи отступали по всему фронту передъ нѣмцами, наступающими въ пяти огромныхъ колоннахъ подавляющей силы, и что на крайнемъ лѣвомъ крылѣ, совсѣмъ рядомъ съ Парижемъ, французская армія была въ жалкомъ состояніи, такъ какъ она была составлена по большей части изъ старыхъ территоріальныхъ солдатъ, которыхъ никогда и не думали ставить въ первую линію защиты, и африканскихъ полковъ, которые ни разу не видали огня орудій, такъ что главная нѣмецкая атака могла быть удержана лишь небольшою британскою арміей, которая только что высадилась на землю Франціи.

Повсюду отъ востока до запада, французы отступали передъ страшнымъ натискомъ нѣмецкихъ легионовъ, которые двигались въ тѣсныхъ колоннахъ, не обращая вниманія на потери, продвигаясь по тѣламъ своихъ мертвецовъ съ массой легкой артиллеріи, противъ которой не могли устоять французскіе артиллеристы при всей ихъ рѣшимости и храбрости. Благодаря цѣлому ряду удивительныхъ приключеній, которыя затянули меня въ водоворотъ французскаго отступленія, въ самую середину безпорядочныхъ передвиженій войскъ, брошенныхъ въ различные опасные пункты, и въ толпы раненыхъ, струившихся потокомъ съ передовыхъ позицій, мнѣ удалось написать первую корреспонденцію, которая давала хоть сколько-нибудь ясное представленіе объ общемъ положеніи—раздѣляя мою удачу съ Философомъ и Стратегомъ, моими спутниками—и опять-таки на мое счастье, цензоръ оказался снисходительнымъ ко мнѣ въ Англіи. Французскіе офицеры и солдаты съ завязанными головами и забинтованными руками и ногами рассказывали мнѣ о своихъ переживаніяхъ въ то время, какъ ихъ раны еще сочились кровью и шинели ихъ еще были пропитаны дымомъ битвы. Женщины, бѣжавшія изъ замковъ, расположенныхъ на холмахъ Франціи, съ тоскующимъ сердцемъ и со слабой надеждой на спасеніе ихъ мужей, сражавшихся въ этомъ аду, описывали мнѣ сцены, которыя все еще заставляли ихъ тяжело дышать на подобіе затравленныхъ дикихъ звѣрей. И я видѣлъ собственными глазами то, что я никогда не

забуду, французскую армію въ отступленіи, взрывавшую мосты на своемъ пути, переходившую на новыя позиціи, ожидавшую съ пушками и ружьями наготовѣ новаго приближенія непріятеля.

Изъ всей этой путаницы впечатлѣній, безпорядка этихъ сценъ, неизбѣжныхъ противорѣчій непослѣдовательныхъ и фантастическихъ разсказовъ мужчинъ и женщинъ, опьянѣвшихъ отъ возбужденія, я постарался выбрать дѣйствительные факты и съ помощью Стратега, раскладывавшаго свои карты на полевыхъ цвѣтахъ около дороги или на мраморныхъ столикахъ возлѣ грязныхъ деревенскихъ кабачковъ, я понялъ, какъ наступали нѣмцы, и увидалъ, какая опасность грозитъ Франціи.

Я переписываю изъ помѣщенной въ „Daily Chronicle“ моей корреспонденціи описаніе одной изъ самыхъ кровавыхъ битвъ въ началѣ войны. Этотъ разсказъ, написанный при толчкахъ вагона, въ которомъ раненые прижимали къ себѣ свои забинтованные руки, говорить о томъ, какъ пять тысячъ французовъ сдѣлали все, что могли, чтобы остановить цѣлый нѣмецкій корпусъ.

4.

29-го августа. Почти двѣ недѣли тому назадъ нѣмцы сосредоточили свои силы у Намюра и начали насядать къ югу и къ западу отъ Мааса. Послѣ битвы у Динана та французская армія, въ составъ которой входили второй и седьмой корпуса, сильно уступавшая въ численности противнику, должна была постепенно отступать для того, чтобы выиграть время и получить подкрѣпленія. Французская артиллерія была помѣщена на покрытыхъ лѣсомъ высотахъ надъ рѣкой и сметала наступавшіе нѣмецкіе полки градомъ свинца. На правомъ берегу окопавшаяся французская пѣхота, поддерживаемая полевыми орудіями и пулеметами, развивала бѣшеный огонь, а затѣмъ перебѣгала назадъ въ слѣдующія траншеи, которыя они защищали со страшнымъ упорствомъ. Нужно отдать справедливость нѣмцамъ: они вели себя геройски. Они не жалѣли себя, и вся долина Мааса была завалена ихъ тѣлами. Сама рѣка была покрыта трупками людей и лошадей и буквально покраснѣла отъ крови. Самый ужасный бой шелъ за обладаніе мостами, но французскіе саперы взрывали ихъ одинъ за другимъ, по мѣрѣ того, какъ французы отступали къ югу. Не меньше чѣмъ тридцать три моста были разрушены такимъ образомъ, прежде чѣмъ къ нимъ подошелъ авангардъ нѣмцевъ. Бой растянулся на значительное разстояніе по обѣимъ сторонамъ Мааса, и между французской и нѣмецкой кавалеріей и тѣми полками, которые находились далеко отъ своихъ главныхъ силъ, произошло много кровавыхъ столкновеній.

Тогда, на примѣръ, и произошла достопамятная схватка у Мервиля, одинъ изъ наиболѣе героическихъ эпизодовъ этой войны. Пять тысячъ французскихъ солдатъ всѣхъ родовъ оружія съ пулеметами вступили въ бой съ двадцатью тысячами нѣмецкой пѣхоты. Несмотря на опасность быть раздавленными превосходными силами врага французскій натискъ или „укусъ“, какъ они

зовуть его, былъ такъ стремителенъ, что они отбрасывали врага съ одного пункта на другой въ битвѣ, продолжавшейся двѣнадцать часовъ, нанеся ему огромный уронъ и испытавъ сами незначительныя потери. Нѣмецкій офицеръ, захваченный въ плѣнъ въ этомъ сраженіи, выразилъ свое безграничное восхищеніе храбростью французовъ, называя ее „великолѣпной“. Только изъ опасенія зайти слишкомъ далеко и потерять связь съ главными силами, эти доблестныя пять тысячъ отказались отъ дальнѣйшихъ атакъ и вернулись назадъ со множествомъ нѣмецкихъ касокъ, трофеями своей побѣды. Тѣмъ не менѣе, сообразно съ планамъ, на которомъ, въ виду подавляющей численности врага, остановились французскіе генералы, французскія войска отступили, и нѣмцы успѣли пробиться по Маасу до Мезьера, отдѣленнаго мостомъ отъ Шарлвила, расположеннаго на другой сторонѣ рѣки. Это мѣсто лежитъ по сосѣдству съ Седаномъ и въ ложбинѣ или trou, какъ ее называютъ французы, гдѣ произошло печальное событіе 1870 года, французская армія была поймана въ ловушку, и нѣмцы, занявъ окружающія высоты, грозили ея уничтоженіемъ. Но теперь не должно было быть повторенія этой трагедіи. Французы твердо рѣшили, что на этотъ разъ они сами поймаютъ нѣмцевъ въ ловушку.

Въ понедѣльникъ, 24-го августа, городъ Шарлвиль былъ очищенъ отъ жителей, большая часть которыхъ присоединилась къ толпѣ бѣглецовъ, и французскія войска заняли великолѣпныя позиціи, господствующія надъ Шарлвилемъ и тремя мостами, отдѣляющими этотъ городъ отъ Мезьера. Въ оставленныхъ домахъ были скрыты пулеметы, и въ качествѣ непріятнаго сюрприза для всякаго нѣмца, который избѣжалъ бы ихъ дѣйствія, на улицахъ стояло не меньше девяносто пяти непріятельскихъ пушекъ, которыя были захвачены и приведены въ негодность французами въ рядѣ битвъ по рѣкѣ, начиная съ Намюра. Передовыя части нѣмцевъ достигли Шарлвила во вторникъ 25-го августа. Они спокойно проѣхали по мостамъ въ покинутый, какъ казалось имъ, городъ. Внезапно ихъ отступленіе было отрѣзано. Всѣ три моста были одновременно взорваны, и пулеметы, скрытые въ домахъ, затрещали по нѣмецкой кавалеріи, шедшей по улицамъ. Нѣсколько времени продолжалась эта безостановочная бойня среди бѣлыхъ домовъ съ хорошенькими садами, гдѣ цвѣли цвѣты подъ яркимъ солнцемъ прекраснаго лѣтняго дня. Но нѣмцы дрались съ необыкновеннымъ упорствомъ, не обращая вниманія на кучи тѣлъ своихъ товарищей и совершенно не заботясь о своей жизни. Они тоже привезли черезъ мосты пулеметы и, укрывшись позади зданій, направили ихъ дула на дома, откуда французскіе артиллеристы выпускали свои послѣдніе выстрѣлы. Для этихъ героевъ, добровольно принешихъ себя въ жертву за родину, не было спасенія и, вѣроятно, всѣ они погибли, такъ какъ при такихъ обстоятельствахъ нѣмцы, обыкновенно, не знаютъ пощады. Когда главныя силы нѣмцевъ спустились въ ложбину, французская артиллерія, расположенная на высотахъ, встрѣтила ихъ ужасающимъ огнемъ, благодаря которому они

понесли тяжкія потери: передовыя колонны ихъ были скошены въ нѣсколько мгновеній. Однако, и подъ этимъ огненнымъ потокомъ нѣмцы подвигались съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ къ ихъ понтоннымъ мостамъ, перекинутымъ черезъ рѣку, и хотя сотни ихъ гибли на берегахъ, они успѣли перейти на сторону Шарлвиля, между тѣмъ какъ ихъ пушки обстрѣливали холмы и заставили французскихъ артиллеристовъ сняться съ ихъ позицій. Взятіе Шарлвиля было нѣмецкой побѣдой, но городъ представлялъ изъ себя нѣмецкое кладбище.

Послѣ этого историческаго эпизода, главныя силы французской арміи отступили передъ нѣмцами, вливавшимися въ долину, и перешли на новыя позиціи.

5.

Тѣмъ временемъ на западной части фронта французская армія удерживала изогнутую дугу отъ Аббевиля вокругъ южной стороны Амьена, и ея положеніе было благопріятнымъ въ виду быстрого наступленія врага подъ командой генерала фонъ-Клука, съ которымъ британскія войска уже находились въ непрерывномъ бою.

Я не скоро забуду страшную ночь близости къ Амьену, когда я видѣлъ раненыхъ, возвращавшихся изъ-подъ выстрѣловъ, и повозки смерти, тащившіяся по дорогѣ. Весь день прошелъ въ возбужденіи и нервности. Дороги, по которымъ я ѣхалъ, были покрыты солдатами, шедшими навстрѣчу неприятелю, который быстро приближался, охватывая ихъ, и къ борьбѣ съ которымъ они были, какъ казалось, плохо подготовлены. Навстрѣчу войскамъ бѣжало населеніе, передавая съ ужасомъ, что уланы наступаютъ ихъ.

Бѣженцы не преувеличивали. Нѣмцы были менѣе чѣмъ въ четырехъ миляхъ отъ Пикини, небольшой патруль, принадлежавшій къ эскадронамъ, которые разсыпались вѣромъ по сѣвернымъ городамъ и деревнямъ Франціи.

Французскія территоріальныя войска спѣшно рыли траншеи около полотна желѣзной дороги, по которой я проѣзжалъ. До насъ доходили извѣстія со станцій, расположенныхъ къ сѣверу, что желѣзнодорожная линія можетъ быть перерѣзана въ каждый данный моментъ. Поѣздъ, переполненный французскими и бельгійскими бѣженцами, былъ остановленъ на пути. Дѣти играли на насыпи съ той божественной невинностью и беззаботностью, которыя заставляютъ болѣть за нихъ душой, а ихъ отцы и матери, чьи пожитки были сложены въ корзины и въ мѣшки изъ оберточной бумаги—жалкіе остатки ихъ имущества—думали о томъ, достигнутъ ли они послѣ всѣхъ ихъ страданій и мытарствъ Амьена и найдутъ ли тамъ безопасное убѣжище.

Мнѣ было ясно, что въ военной машинѣ, дѣйствующей въ этой мѣстности, была какая-то неисправность. Войска спѣшили въ сѣверо-западномъ направленіи. Полкъ алжирцевъ, колыхаясь, прошелъ по дорогѣ. Видъ тюркосовъ нѣсколько ободрилъ бѣженцевъ. Эти коричневыя люди смѣялись, какъ дѣти, въ ожиданіи

битвы. Они махали руками съ забавными арабскими жестами привѣтствія и весело шли, покачиваясь, съ ихъ ружьями, висѣвшими за спиной. Военные автомобили съ французскими офицерами промчались по дорогѣ, и затѣмъ уже не было видно солдатъ, но встрѣчались только отставшіе бѣженцы, ѣхавшіе въ фермерскихъ телѣгахъ, набитыхъ домашнимъ скарбомъ, въ двухколесныхъ фаэтонахъ, перегруженныхъ женщинами и дѣтьми, на велосипедахъ съ узлами, привязанными къ сѣдламъ, или шедшіе устало пѣшкомъ подальше отъ того мѣста ужаса, гдѣ закатывалось кровавокрасное солнце Франціи. Жалко было видѣть дѣтей, цѣплявшихся за юбки женщинъ, вдоль этой дороги, охваченной паникой, и жалкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище представляла храбрость этихъ женщинъ. Спустилась ночь, мракъ покрылъ поля Франціи, и въ этомъ мракѣ чудилось много угрюмыхъ призраковъ войны.

По дорогѣ въ Альберъ, между Амьеномъ и Камбрѣ, произошла *une affaire des patrouilles*—то, что британскій солдатъ называетъ „scrap“. Развѣздъ нѣмецкихъ улановъ, отдѣлившійся отъ сильнаго отряда у Камбрѣ, наткнулся на французскихъ территориалистовъ и послѣ жаркой схватки удалился, оставивъ въ пыли на дорогѣ нѣсколько убитыхъ лошадей и нѣсколько скорченныхъ фигуръ, у которыхъ французскіе солдаты взяли вороненныя каски для своихъ женщинъ.

Это было въ ночь на пятницу 28-го августа. Настоящее сраженіе произошло у Баполя въ пятнадцать километрахъ дальше по дорогѣ. Въ пятницу весь день тамъ происходилъ серьезный бой, и французское военное министерство объявило побѣду.

Я не видалъ побѣды. Я видѣлъ только отступление французскихъ полковъ, участвовавшихъ въ этомъ бою.

За нѣсколько минутъ до полуночи въ пятницу они прошли назадъ по дорогѣ въ Амьенъ, медленно двигаясь длинной и угрюмой вереницей съ санитарными повозками, наполненными мертвыми и умирающими, съ телѣгами, нагруженными сѣдлами и ранцами, на которыхъ лежали неподвижно, какъ мертвые, уставшіе солдаты. Они проходили среди толпы молчаливыхъ зрителей, которые только перешептывались, наблюдая эту печальную процессію въ темнотѣ ночи. Кирасиръ съ поникшей головой шелъ, спотыкаясь и ведя на поводѣ лошадь, слишкомъ ослабѣвшую и усталую, чтобы нести его. Много другихъ солдатъ вели своихъ лошадей такимъ же образомъ, а пѣхотинцы, нѣкоторые съ перевязанными головами, шли, держась за телѣги и повозки, и казалось спали на ходу. Свѣтъ изъ фонарей падалъ на блѣдныя лица и какъ бы стеклянные глаза солдатъ, проникая иногда внутрь покрытыхъ полотномъ повозокъ, гдѣ изувѣченные, перевязанные люди лежали въ неестественныхъ позахъ на соломѣ. Ни одного стога не доносилось изъ этихъ повозокъ. Не было восклицаній „Vive la France!“ со стороны толпы горожанъ, которые обыкновенно не молчатъ, когда проходятъ ихъ солдаты.

Каждый понималъ, что это было отступленіе, и эта мысль была холоднѣе ночного тумана. Телѣги, наполненныя живыми и мертвыми, съ грохотомъ катились длинной вереницей, причемъ поникшіе головы солдатъ не поднимались для того, чтобы привѣтствовать старыхъ друзей. На телѣгахъ и санитарныхъ повозкахъ было странное смѣшеніе мундировъ. Для зрителя, преувеличивавшаго безсознательно то, что находится передъ его глазами, эта картина казалась зловѣщей и напоминала страшный 1870 годъ, когда черезъ Амьенъ тянулись остатки разбитой арміи. На самомъ дѣлѣ такое зрѣлище являлось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякой серьезной битвы и вовсе не означало отступленія послѣ пораженія.

Я отвернулся отъ печальной процессіи съ тяжелымъ сердцемъ. Непріятно видѣть людей, разбитыхъ усталостью и бредущихъ на подобіе живыхъ мертвецовъ. Сердце надрывается, глядя на бѣдныхъ животныхъ, спотыкающихся на каждомъ шагу, пока они не падутъ, чтобы больше уже не встать.

Еще болѣе тяжелая сцена, чѣмъ это возвращеніе отъ Бапома, встрѣтилъ я тотчасъ же, какъ только возвратился въ городъ. Тысячи молодыхъ людей были призваны къ знаменамъ изъ окрестностей для обслуживания тыла. Они принадлежали къ резервистамъ 1914 года, и многіе изъ нихъ кричали и пѣли, хотя кое-гдѣ поблѣднѣвшій мальчикъ старался скрыть свои слезы, когда изъ толпы выбѣгала женщина, чтобы обнять его въ послѣдній разъ. Марсельеза звучала немного сбивчиво, но все же храбро. Молодые люди, „бѣдныя дѣти“, какъ ихъ называлъ сѣдой человѣкъ, наблюдавшій ихъ, поддерживали храбрость своихъ сердецъ шумными демонстраціями, но видя только что телѣги смерти, двигавшіяся во мракѣ среди линіи молчаливыхъ и удрученныхъ зрителей, я не былъ въ состояніи взглянуть въ лица этой молодежи, слѣдовавшей за своими отцами. Снова я долженъ былъ повернуться и уйти подальше для того, чтобы забыть картины войны въ бархатистой тѣмѣ ночи.

Рано утромъ, на слѣдующій день въ Амьенѣ стала чувствоваться тревога. Прошли слухи о томъ, что желѣзнодорожная линія между Булонью и Аббевилемъ была разрушена. Полки потихоньку вышли изъ своихъ казармъ и ушли изъ Амьена. На улицахъ стояла удивительная тишина. Едва ли можно было увидѣть на нихъ человѣка въ военной формѣ, хотя вчера еще онѣ были наполнены солдатами. Я думаю, что только очень немногіе поняли дѣйствительное значеніе этого. Только очень немногіе, знакомые офицеровъ или знакомые знакомыхъ офицеровъ слышали, что Амьенъ будетъ оставленъ французскими войсками.

Для населенія выступленіе солдатъ казалось невѣроятнымъ и ужаснымъ признакомъ того, что Франція была окончательно разбита. Какъ могли они повѣрить оптимисту среди нихъ, что оставить Амьенъ слѣдовало для спасенія Франціи? Какъ могли они допустить, что ихъ городъ будетъ спасенъ отъ возможной бомбардировки, благодаря уходу войскъ на позиціи, которыя должны привлечь нѣмцевъ? Они знали только, что они безза-

питны, и вдругъ услышали, что пассажирскіе поѣзда отмѣнены, и что для нихъ бѣгство невозможно. Благодаря счастливому случаю я попалъ на послѣдній поѣздъ, отходившій изъ Амьена. Вскорѣ послѣ этого туннель, ведущій къ желѣзнодорожному узлу, былъ взорванъ французскими саперами, и прекрасный городъ Амьенъ былъ отрѣзанъ отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ.

Попавъ на послѣдній поѣздъ, я понялъ все безчеловѣчіе войны по отношенію къ несражающимся. Въ вагонѣ со мной находились французскія дамы и дѣти, которые переѣзжали съ мѣста на мѣсто для того, чтобы выбраться изъ района военныхъ дѣйствій. Ихъ мужья сражались за Францію, и онѣ не могли сказать, живы ли они или убиты. Эти бѣдныя женщины оставались нѣсколько дней безъ всякой помощи, и нервы ихъ были напряжены до крайности не изъ-за страха за самихъ себя, но изъ-за дѣтей, которыя были всею, что они могли спасти отъ крушенія ихъ жизни. Одна дама, домъ которой былъ сожженъ нѣмцами, прошла пѣшкомъ двадцать миль съ маленькими мальчикомъ и дѣвочкой.

Когда она рассказывала мнѣ о томъ, что ей пришлось пережить, она горько заплакала, но слезы были на ея глазахъ всего нѣсколько минутъ. Ради своего прекраснаго мальчика, у котораго былъ духъ героя, и ради своей крошечной дѣвочки, которая прижималась къ ней, она переборола себя.

„Въ этомъ-то и состоитъ сущность войны, самая ужасная ея трагедія“. Такъ писалъ я въ то время. „Солдаты страдаютъ меньше, чѣмъ женщины и несражающіеся. Его мученія, можетъ быть, острѣе, но тяжелѣе всего переносить душевную рану“.

Такъ казалось мнѣ въ то время, прежде чѣмъ я не сдѣлался свидѣтелемъ болѣе страшныхъ мученій. Я былъ также изумленъ бодрымъ настроеніемъ духа раненыхъ солдатъ. Они представляли изъ себя „легкіе случаи“ и были такъ бодры и веселы, что смѣялись надъ своею болью. Но и они знали тяжелые дни. Можно почти безъ преувеличенія сказать, что первый отдыхъ, который выпалъ на ихъ долю, начался тогда, когда ихъ несли въ санитарныя повозки или въ полевые госпитали. Постоянные переходы взадъ и впередъ на новыя позиціи подъ палящимъ солнцемъ были ужаснѣе самого боя и пребыванія подъ адскимъ огнемъ нѣмецкихъ пушекъ. Ихъ заставляли постоянно двигаться за исключеніемъ самыхъ короткихъ остановокъ, когда офицеры и солдаты падали по обѣимъ сторонамъ дороги, подобно желтокоричневымъ листьямъ съ деревьевъ осенью, до такой степени усталые что они были почти безъ сознанія. Ихъ необходимо было расталкивать для того, чтобы пробудить отъ короткаго сна, когда они опять должны были итти къ новому мѣсту, чтобы начать новыя земляныя работы и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, прежде чѣмъ звуки рожка не возвѣстятъ о томъ, что нужно прекратить огонь и начать новое стратегическое отступленіе.

6.

Второго сентября нѣмцы достигли Крейля и Санли—запятнавъ свою честь ненужной жестокостью—и были не дальше тридцати миль отъ Парижа, такъ что грохотъ ихъ пушекъ слышался во французской столицѣ какъ неясный гулъ.

Для населенія Парижа и для всѣхъ мирныхъ жителей Франціи казалось неслыханнымъ бѣдствіемъ это невѣроятно быстрое наступленіе гигантской боевой машины, котораго ничто не могло остановить до сихъ поръ, даже не могло остановить и то рѣшительное мужество и крайнее равнодушіе къ жизни, съ которымъ союзники встрѣтили эту машину смерти. Однако, съ оптимизмомъ, въ сущности мало обоснованнымъ, я, видѣвшій солдатъ Франціи, былъ все-таки увѣренъ, что не только не все потеряно, но, что имѣется надежда и на побѣду, которая можетъ превратить нѣмецкій натискъ въ отступление.

Я видѣлъ блестящую храбрость французскихъ полковъ, бросавшихся на врага для поддержки лѣваго крыла своей арміи, и великолѣпную увѣренность солдатъ, которые послѣ всѣхъ ужасовъ битвы и съ полнымъ сознаніемъ того, что они постоянно отступаютъ, все-таки говорили:

— Мы побѣдимъ. Мы все время ведемъ непріятеля къ гибели. Скоро они попадутся въ ловушку, откуда имъ не будетъ спасенія.

„Такой духъ“, писалъ я въ моей корреспонденціи, „долженъ въ концѣ-концовъ одержать верхъ. Невозможно, чтобы духъ союзныхъ армій былъ сокрушенъ. Блестящая французская храбрость и спокойствіе передъ тѣмъ, что кажется пораженіемъ, равносильно хладнокровной и упорной настойчивости нашихъ англійскихъ войскъ“.

Снова и снова они повторяли мнѣ тѣ же самыя слова, эти раненые, эти аванпосты въ опасныхъ пунктахъ, эти батальоны, шедшіе опять въ битву безъ сна, безъ отдыха, зная, какого врага они должны встрѣтить:

— Мы чувствуемъ себя прекрасно. Вы можете называть это отступленіемъ, если хотите. Но мы отступаемъ въ порядкѣ и добьемся своего.

Это было больше, чѣмъ отступление въ порядкѣ. Они отходили передъ миллиономъ людей, расположившимся по странѣ на подобіе огромнаго муравейника, и отходили съ доблестью, которая доставила британскимъ и французскимъ войскамъ безсмертную славу. Такого примѣра еще ни разу не было во всей военной исторіи. Этотъ отходъ союзниковъ показался бы невѣроятнымъ и невозможнымъ знатокамъ военнаго дѣла, которые понимали значеніе такихъ боевъ и страшную трудность удержать въ порядкѣ войска при подобныхъ обстоятельствахъ.

Въ то время какъ я, къ моему счастью, успѣлъ выѣхать изъ Амьена, прежде чѣмъ былъ взорванъ туннель, и нѣмцы вступили въ городъ, а именно 28-го августа, фронтъ союзниковъ представлялъ дугу, тянущуюся отъ Аббевиля по гористой мѣстности къ югу отъ Амьена и затѣмъ простиравшуюся отсюда по неправильной линіи къ югу отъ Мезьера. Британская армія подъ командой Сера Джона Френча находилась влѣво отъ центра, выдерживая тяжелый натискъ нѣмецкаго праваго крыла.

Въ субботу въ полдень сраженіе возобновилось по всей линіи. Къ этому времени нѣмецкій авангардъ получилъ подкрѣпленіе въ видѣ свѣжаго армейскаго корпуса, прибывшаго изъ Бельгіи. По крайней мѣрѣ миллионъ людей наступалъ на союзныя войска съ небывалой яростью атаки. Ихъ кавалерія разлилась по огромному пространству, эскадронъ за эскадрономъ подобно ордамъ Аттилы, вооруженнымъ смертоноснымъ оружіемъ современной войны. Ихъ артиллерія была неимоверно велика, и подъ ея прикрытіемъ двигались ихъ колонны, похожія скорѣе не на армію, но на надвигающіяся орды кочевниковъ. Однако, ихъ масса не передвигалась съ равнымъ давленіемъ на всѣ части противника. Нѣмецкая армія была вытянута въ таранъ съ острымъ концомъ, и это остріе было направлено въ средину англичанъ, на ихъ базу въ Сенъ-Кантенъ и оба ихъ крыла въ Пероне и Гаммѣ.

Противостоять этой атакѣ было невозможно. Если бы британскія войска не отступили, они были бы раздавлены и смяты. Наши артиллеристы были великодушны и осыпали снарядами наступающія нѣмецкія колонны такъ, что мертвые лежали цѣлыми кучами по всему пути, который велъ къ Парижу. Но, какъ вѣрно сказалъ мнѣ одинъ изъ артиллеристовъ: „Все это ни къ чему не повело. Какъ только мы разбивали въ дребезги одну часть, другая являлась на ея мѣсто, колонна за колонной, и благодаря ихъ численному превосходству мы не могли ничего сдѣлать для того, чтобы остановить ихъ“.

Желѣзная дорога была разрушена, и мосты были взорваны на главной линіи отъ Амьена до Парижа и на боковыхъ линіяхъ отъ Діенпа. Послѣ этого британскія силы отступили до Компіенъ, сражаясь все время. Линія союзниковъ въ это время была въ формѣ V, причемъ нѣмцы вели свою главную атаку глубоко въ самый уголь.

Генераль д'Амадь, самый популярный изъ французскихъ генераловъ, благодаря своимъ подвигамъ въ Марокко, помѣстилъ свой штабъ въ Омамъ, занимая крайнее лѣвое крыло союзныхъ армій. Нѣкоторые изъ его резервовъ занимали холмы, тянущіеся на востокъ и на западъ у Бовэ, и были въ связи съ кавалеріей Сера Джона Френча по дорогѣ, ведущей въ Амьень.

Эта позиція оставалась въ такомъ видѣ до понедѣльника или скорѣе была оставлена въ этотъ день, причемъ отступленіе войскъ было произведено мастерски и безъ всякой излишней поспѣшности.

Тѣмъ временемъ центръ французской арміи выдерживалъ страшную атаку со стороны нѣмецкаго центра, который достигалъ до Гиза на рѣкѣ Уазѣ къ сѣверо-востоку отъ Сень-Кантена, гдѣ эта рѣка, протекающая среди восхитительныхъ луговъ, была завалена трупами, и воды ея были окрашены въ кровавый цвѣтъ.

Отъ одного изъ очевидцевъ этой битвы, который былъ только легко раненъ, офицера пѣхотнаго полка, я узналъ, что нѣмецкая атака была отбита, благодаря стараніямъ французскихъ артиллеристовъ, за которыми послѣдовалъ рядъ штыковыхъ и кавалерійскихъ атакъ.

— Нѣмцы,—сказалъ онъ,—пустили противъ насъ цвѣтъ своей арміи, включая десятый армейскій корпусъ и императорскую гвардію. Но наши войска были проникнуты величавымъ героизмомъ. Каждый зналъ, что существованіе Франціи зависѣло отъ него, и въ случаѣ нужды былъ готовъ пожертвовать своей жизнью съ радостнымъ энтузіазмомъ. Наши не только отбивали атаки врага, но сами переходили въ наступленіе и, несмотря на численное превосходство нѣмцевъ, дали имъ страшную трепку. Нѣмцы должны были податься назадъ передъ огнемъ нашихъ пушекъ, косившихъ ихъ тысячами. Ряды ихъ дрогнули, и они обратились въ бѣгство. Сотни ихъ были переколоты штыками, и еще большее число было загнано въ рѣку, такъ что весь фронтъ битвы былъ явственно виденъ, благодаря мертвымъ и умирающимъ, которыхъ они должны были оставить. Можно съ увѣренностью сказать, что потери непріятеля громадны. Когда я упалъ, отступленіе нѣмцевъ было въ полномъ разгарѣ, и мы могли считать себя побѣдителями.

Тѣмъ не менѣе случилось то, чего предотвратить было невозможно. Благодаря своимъ огромнымъ резервамъ непріятель ввелъ въ дѣло свѣжія силы, и французы должны были отступить къ Лаону и Лафёру.

Во вторникъ нѣмецкіе аванпосты съ легкой артиллеріей продвигались къ югу по направленію къ Бовэ, и звукъ ихъ полевыхъ орудій донесся до моихъ ушей въ этомъ городѣ, съ которымъ у меня будутъ всегда соединены непріятныя воспоминанія, несмотря на красоту его древнихъ зданій и на прелесть той мѣстности, въ которой онъ расположенъ.

Бовэ лежитъ какъ разъ между Амьеномъ и Парижемъ, и мнѣ казалось, что это какъ разъ то мѣсто, въ которомъ можно присоединиться къ французской арміи, заграждавшей непріятелю путь къ столицѣ. На самомъ дѣлѣ оказалось, что это было во всѣхъ отношеніяхъ неподходящее мѣсто.

8.

Я могъ бы догадаться, что не все идетъ гладко по странному выраженію лица одного крестьянина, котораго я встрѣтилъ въ Гурнэ. Онъ описалъ мнѣ весьма живо расположеніе французскихъ войскъ, скрывшихся въ ущельѣ среди сосѣднихъ холмовъ,

но когда я упомянулъ, что я направлялся въ Бовэ, онъ вдругъ поднялъ свою голову и посмотрѣлъ на меня страннымъ и испуганнымъ взглядомъ, который былъ для меня загадкой. Я вспомнилъ этотъ взглядъ, когда я приближался къ городу. Ко мнѣ навстрѣчу двигались группы крестьянъ съ испуганными глазами. Нѣкоторые изъ нихъ ѣхали на телѣгахъ, погоняя усталыхъ лошадей и заставляя прихрамывающихъ животныхъ мчаться во весь опоръ. Женщины съ блѣдными лицами плелись по пыльной дорогѣ, держа въ своихъ рукахъ дѣтей. Было ясно, что эти люди боялись чего-то, что было сзади ихъ, по направленію къ Бовэ. Ихъ было немного, и когда они прошли, все вокругъ стало таинственно и загадочно. Слышалось только пѣнье птицъ надъ полями, залитыми золотыми лучами заходившаго солнца.

Я вошелъ въ городъ. Мертвое молчаніе царило тамъ, среди узкихъ маленькихъ улицъ, ниже старой нормандской церкви. Окна почти всѣхъ домовъ были закрыты ставнями, но кое-гдѣ я могъ видѣть сквозь открытыя окна комнаты. Тамъ никого не было. Городъ былъ оставленъ, покинутъ всѣмъ своимъ населеніемъ, которое бѣжало съ выраженіемъ страха въ глазахъ, какъ у тѣхъ крестьянъ, которыхъ я встрѣтилъ на дорогѣ.

Внезапно я замѣтилъ фигуру человѣка. Это былъ французскій драгунъ съ его карабиномъ, висѣвшимъ за спиной. Онъ стоялъ около мѣшковъ съ пушечнымъ порохомъ. Немного дальше группы солдатъ работали на двухъ мостахъ, изъ которыхъ одинъ былъ подъ рѣкою, а другой надъ дорогой. Они работали очень спокойно, и я могъ видѣть, что они дѣлали. Они минировали мосты, чтобы взорвать ихъ по данному сигналу. Проходя дальше я увидѣлъ, что улицы были завалены разбитыми бутылками и усѣяны проволочными загражденіями, весьма искусно и тщательно сдѣланными.

Странное было ощущение. Ясно было, что какое то страшное дѣло готовилось въ Бовэ, что солдаты ждали чего то. На желѣзнодорожной станціи я узналъ тотчасъ же истину. Нѣмцы были только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города въ значительномъ количествѣ. Каждую минуту они могли явиться сюда, уничтожая все на своемъ пути и убивая всякаго, кого бы ни замѣтили на дорогѣ. Начальникъ станціи, храбрый старикъ, вмѣстѣ съ двумя носильщиками рѣшился остаться на своемъ посту до конца. «Nous sommes ici», заявилъ онъ, какъ будто нѣмцы стали бы считаться съ нимъ. Онъ энергично настаивалъ на томъ, чтобы я оставилъ Бовэ, если пойдетъ еще поѣздъ, что было весьма проблематично. Въ концѣ-концовъ послѣ mauvais quart d'heure меня посадили въ поѣздъ, стоявшій на безопасномъ пути, и я покинулъ Бовэ при грохотѣ нѣмецкихъ пушекъ.

Сидя въ темнотѣ и трясясь какъ горошина въ стручкѣ, благодаря плохимъ тормозамъ, мы обошли нѣмецкую армію и по кривой почти врѣзались въ мѣстность, занятую непріятелемъ. Однако мы промчались незамѣченными, благодаря темнотѣ ночи, и машинистъ захохоталъ и поднялъ свою замасленную руку къ

головѣ, отдавая мнѣ честь, когда я выбрался на платформу какой-то неизвѣстной станціи.

— Нѣмцы не получаютъ насъ на закуску—сказалъ онъ.—А все же мы изрядно рисковали.

9.

Станція, куда мы прибыли, какъ оказалось, была Крэйль, главная квартира британскихъ войскъ въ то время. Она была наполнена французскими солдатами, и скоро они стали рассказывать мнѣ о томъ жестокомъ сраженіи, въ которомъ они участвовали.

Французы были грязны, небриты, покрыты пылью съ головы до пятъ, опаленные горячими лучами августовскаго солнца, въ разорванныхъ мундирахъ и лопнувшихъ сапогахъ. Но все же, несмотря на всю ихъ грязь, они были прекрасны, и ихъ бодрость духа и постоянный смѣхъ, спокойная увѣренность и та простота безъ слѣдовъ самохвальства, съ какой они увѣряли меня, что нѣмцы скоро попадутся въ ловушку и погибнуть, наполнили мою душу восхищеніемъ, которое я не въ состояніи выразить словами. Всѣ шансы были противъ нихъ, они отчаянно бились, находясь въ отступленіи; они знали и сообщили мнѣ, что непріятель завязалъ бой въ Санли, въ десяти миляхъ отъ укрѣпленій Парижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были вполне увѣрены въ окончательномъ успѣхѣ союзнаго оружія.

Одинъ изъ французскихъ солдатъ далъ мнѣ прочесть свой дневникъ. Несмотря на грязный мундиръ, на загорѣлыя невымытыя руки и на свѣтлую неподстриженную бороду, которая обезображивала тонкія черты и деликатный ротъ, для меня было ясно, что предо мною находился воспитанный и образованный человѣкъ.

— Дневникъ можетъ позабавить васъ,—сказалъ онъ.— Вы знаете, я все время занимался разрушеніемъ...

Это былъ рассказъ о взрываніи мостовъ, и замѣтки были нацарапаны въ маленькой записной книжкѣ во время отступленія. Со всей своею краткостью этотъ рассказъ сержанта-сапера гораздо краснорѣчивѣе тщательно отдѣланной прозы длинныхъ описаній. Одно мѣсто въ немъ кажется почти невѣроятнымъ, а именно относящееся къ тому, какъ нѣмецкій авіаторъ въ своей миссіи смерти взялъ съ собою маленькаго мальчика. Но человѣкъ, подобный сержанту, чьи голубые глаза стального оттѣнка смотрѣли на меня съ такой честной смѣлостью, не помѣстилъ бы лжи въ свою книжку, и я повѣрилъ ему. Я воспроизвожу этотъ документъ, какъ я переписалъ его тогда тайкомъ отъ французскаго офицера, который какъ бы подозрѣвалъ меня въ этомъ нарушеніи правилъ.

25 августа. Двинулись къ Сень-Кантѣну и прибыли туда вечеромъ. Наша партія отправилась опять назадъ къ пункту въ двѣнадцать километровъ отъ Сень-Кантѣна, въ Монтескюръ-Лезеруйль минировать мостъ. Мы работали всю ночь и возвратились въ Сень-Кантѣнъ, гдѣ производили развѣдку.

27 августа. Полученъ сигналъ о нѣмцахъ, и станція Сень-Кантэнъ эвакуирована. Намъ было приказано поддерживать порядокъ среди толпы тѣхъ, кто хотѣлъ уйти отсюда. Это было грустное зрѣлище: всѣ женщины и дѣти плакали, а поѣздовъ не хватало для нихъ.

Наконецъ, мы ушли, разрушивъ линію и станцію въ Эсиньи-ле-Гранъ и въ Монтескуръ, гдѣ мы уничтожили мостъ, минированный раньше.

Послѣ полудня прибыли въ Тернье. Спали тамъ и отправились 28-го послѣ полудня въ Шони и Нуаюнъ.

29 августа (утро). Мы получили приказъ возвратиться въ Тернье, такъ какъ нѣмцамъ удалось прорвать британскую линію. Мы прошли Монтескуръ и прибыли въ Жюсси, гдѣ послѣ того, какъ былъ взорванъ мостъ черезъ каналъ, мы моментально задержали нѣмцевъ. Вернувшись изъ Тернье, мы получили приказъ разрушить мосты и станціи линіи, которая служить магистралью къ Парижу.

Работали вечеромъ подъ грохотъ пушекъ. Жалко видѣть на дорогѣ несчастныхъ бѣженцевъ съ ихъ сундуками и дѣтьми.

Послѣ полудня выступили въ Шони, по направленію Компіеня, куда мы прибыли вечеромъ. Вдоль всей линіи шли бѣдные бѣженцы. Мы посадили двѣнадцать изъ нихъ въ нашъ вагонъ. Наша провизія была съ нами, и мы давали ее этимъ несчастнымъ.

30 августа (Воскресенье). Стояли въ Компіенѣ въ ожиданіи приказаній. Звукъ канонады слышенъ болѣе отчетливо. Послѣ полученія утреннихъ новостей я снова берусь за записную книжку. Кажется, что нѣмцы разбиты у Сень-Кантэна.

Сегодня мы присутствовали при дуэли между бипланомъ и аэропланомъ. Ближе ко мнѣ былъ нѣмецкій аэропланъ, который упалъ среди англичанъ. Управлявшій имъ офицеръ былъ съ мальчикомъ шести лѣтъ, тоже нѣмцемъ. Они были только ранены.

Послѣ Сень-Кантэна находились съ англійскими войсками подъ начальствомъ англійскаго главнаго штаба.

Слухи о пораженіяхъ нѣмцевъ, должно быть, невѣрны, потому что англійскія войска отходятъ, и мы ушли изъ Лонгара, гдѣ мы разрушили станціи и желѣзнодорожную линію.

Медленный отходъ британской арміи—поразительно, что въ ея рядахъ насчитывалось только 45.000 человекъ, которые пытались остановить нѣмецкую лавину—постепенно перешелъ въ поспѣшное отступленіе. Только какой то удивительный случай спасъ ее отъ кроваваго бѣгства. Даже и теперь еще рано писать о деталяхъ этого отступленія. Только когда десятки офицеровъ напишутъ свои воспоминанія, мы получимъ полную исторію этихъ, послѣднихъ дней августа, когда небольшая армія, усталая послѣ многихъ битвъ, пошатнулась и стала отходить передъ угрозой

огромнаго численнаго превосходства противника, стремящагося ее окружить. Этотъ походъ называютъ „отступленіемъ въ полномъ порядкѣ“. Едва ли это было такъ въ дѣйствительности, когда главнокомандующій долженъ былъ поспѣшно умчаться съ коннымъ эскортомъ, когда штабъ, занятый своимъ дѣломъ въ одномъ изъ замковъ во французской деревнѣ, вдругъ понялъ, что онъ былъ забытъ и оставленъ (я слышалъ разсказъ отъ одного изъ штабныхъ офицеровъ о ихъ бѣгствѣ, послѣдовавшемъ за этимъ открытіемъ) и когда роты, батальоны и полки, потерявшіе связь между собою, плутали въ лѣсахъ и на неизвѣстныхъ дорогахъ и попадали неожиданно подъ орудійный огонь противника, о расположеніи котораго они не имѣли ни малѣйшаго представленія. Нѣмецкая стальная сѣть затягивалась все тѣснѣе. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ она могла замѣниться и сдѣлать спасеніе невозможнымъ. Кавалерійская дивизія генерала Алленби принуждена была мчаться во весь опоръ, когда ея развѣдчики возвратились съ извѣстіемъ объ обходѣ ихъ нѣмецкой конницей, такъ что нельзя было терять ни минуты, чтобы предотвратить несчастье. Самъ Алленби велъ отступление во главѣ дивизіи рядомъ съ французомъ проводникомъ, несущимъ фонарь. Цѣлыхъ двадцать миль въ эту ночь наша кавалерія погоняла во всю мочь своихъ усталыхъ лошадей, а по краямъ дороги двигалась масса мѣшающихъ другъ другу автомобилей, мотоциклетокъ и грузовыхъ моторовъ, перевозившихъ саперовъ, телеграфистовъ и интендантовъ. Санитарныя повозки, биткомъ набитыя ранеными, которыхъ поспѣшно подобрали изъ церквей и амбаровъ, превращенныхъ въ госпитали, тоже присоединились къ этому потоку, и для многихъ бѣдняковъ, чьи головы были разбиты нѣмецкими снарядами, и чье тѣло горѣло отъ страшныхъ ранъ, эта ночная сказка была сплошнымъ мученіемъ, закончившимся вѣчнымъ покоемъ. Всю дорогу кавалерія и обозы преслѣдовались непріателемъ, и были моменты, когда казалось неизбѣжнымъ, что лошади выбьются изъ силъ, и отступающіе будутъ окружены. Но какъ мы знаемъ теперь, непріатель также изнемогалъ отъ усталости. Погоня за англичанами совершалась на задыхающихся лошадяхъ и запыхавшимися людьми. Нѣмцы остановились, тяжело дыша, въ то самое время, когда послѣднее напряженіе и жестокая схватка дали бы имъ въ руки цвѣтъ британской арміи.

Въ этой послѣдней стадіи отступления мы потеряли меньше людей, чѣмъ указалъ бы всякій военный учебникъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Многие раненые, когда они шли черезъ лѣса, деревья которыхъ разбивались въ щепы разрывавшимися снарядами и пронизывались пулями, перевязывали себя, какъ могли, и продвигались дальше, прихрамывая или переносимые на рукахъ вѣрными товарищами, которые не могли оставить ихъ въ бѣдѣ. Другіе, сбившіеся съ дороги или свалившіеся на землю въ полномъ изнеможеніи, проклиная нѣмцевъ и не заботясь о томъ, если бы они и пришли, добрались позднѣе—на цѣлыя недѣли позднѣе—окружными дорогами въ Руанъ или Парижъ, послѣ бродячей жизни по французскимъ деревнямъ, гдѣ крестьяне кор-

мили ихъ и ухаживали за ними такъ, что они не спѣшили разстаться съ гостепріимными хозяевами. Это было время, когда дьявольское искушеніе дезертировать охватило англійскихъ солдатъ. Они остались живы въ такомъ аду, какъ Шарлруа, Камбрэ и Ле-Като. Молодые люди, почти мальчишки, которые ни разу не слышали рева пушекъ кромѣ какъ на маневрахъ, ежились и прижимались къ землѣ подъ градомъ снарядовъ, въ ужасѣ ожидая смерти. Смерть не коснулась ихъ. Благодаря какому-то чуду среди страшно изуродованныхъ мертвецовъ по обѣимъ сторонамъ отъ нихъ, такъ что ноги ихъ были въ лужѣ крови, они остались въ живыхъ и бросились бѣжать прочь отъ безформенной массы мяса лошадей и лѣздей, задыхающіеся отъ запаха всего этого и похолодѣвшіе отъ ужаса. Что удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей, которые шли, смѣясь, по Лондону по дорогѣ на Ватерлооскій вокзалъ и, увѣренные въ своемъ героизмѣ, гордо держали свои головы среди восхищенныхъ взоровъ лондонской толпы, убѣгали на задніе дворы французскихъ фермъ, прятались за изгороди, когда мимо проходили солдаты въ хаки, и рассказывали дикія безсвязныя сказки, когда, наконецъ, они натыкались на офицеровъ съ холодными глазами въ какомъ-нибудь городѣ Франціи, куда они забрели? Я, по крайней мѣрѣ, почти не былъ въ состояніи винить какъ того бѣднаго малаго, котораго я встрѣтилъ однажды въ Руанѣ, бормочащаго какія-то небылицы, чтобы спасти свою жизнь, такъ и тѣхъ двухъ артиллеристовъ, переряженныхъ въ гражданское платье, которые просили у меня милостыню около Амьена, или осуждать кого-нибудь изъ тѣхъ чуть не умирающихъ отъ голода отсталыхъ, которые „потеряли“ свои полки и не старались ихъ отыскать. Нѣкоторые изъ нихъ были разстрѣляны и заслужили эту кару сообразно правиламъ войны и суровому правосудію людей, не вѣдающихъ страха. Но въ настоящей войнѣ найдется немного людей, которые не знали бы моментовъ холоднаго ужаса, когда вся ихъ гордость и мужество испарялись и оставляли ихъ трусами, трепещущими въ ужасѣ передъ своей трусостью. Зная это обстоятельство, проникаешься жалостью къ несчастнымъ дезертирамъ.

Глубокая жалость и сознаніе надвигающейся трагедіи охватили меня въ Крэлѣ и на пути къ Парижу, когда я столкнулся съ безпорядочно отступавшими британскими войсками и тѣмъ, что казалось неизбѣжными послѣдствіями отступления, осадой и паденіемъ французской столицы.

11.

Я добрался до Парижа ночью на второе сентября и увидалъ невѣроятныя сцены. Въ продолженіе дня стало извѣстно, что нѣмецкіе аванпосты дошли до Санли и Шантिल्и, и что Парижъ не былъ больше мѣстопробываніемъ правительства. Тихо и безъ всякаго предупрежденія французское правительство потихоньку удалилось изъ Парижа, послѣ засѣданія кабинета, на которомъ были и бѣшенство, и слезы, и послѣ отчаянной упаковки своихъ

бумагъ. Это бѣгство оглушило какъ громомъ парижанъ и явилось указаніемъ того, что можно дать самаго худшаго—новой осады Парижа съ болѣе страшными пушками, чѣмъ тѣ, которыя опоясывали его въ предшествующую войну.

Прошелъ слухъ, что населенію дадутъ только пять дней, чтобы очистить дома въ предѣлахъ укрѣпленій, и какъ бы для того, чтобы усилить угрозу послѣ полудня въ этотъ день нѣмецкій аэропланъ сбросилъ бомбы на Восточный вокзалъ. Началось паническое бѣгство изъ столицы, и желѣзнодорожныя станціи превратились какъ бы въ огромные лагеря бѣглецовъ, въ которыхъ смѣшались самые богатые и бѣдные изъ горожанъ съ ихъ женами и дѣтьми. Трагедія усилилась, когда население услышало, что большинство желѣзнодорожныхъ линій къ морскому берегу было отрѣзано, и что единственная оставшаяся линія къ Dieppe, вѣроятно, будетъ разрушена въ теченіе нѣсколькихъ будущихъ часовъ. Изъ толпы, ожидавшей весь день, чтобы добраться до кассъ, послышался ропотъ, который казался мнѣ какъ бы гигантскимъ вздохомъ раненыхъ сердець. Среди толпы было много старыхъ мужчинъ и женщинъ, которые знали, что значить осада Парижа. Они рассказывали теперь молодому поколѣнію старую знакомую всѣмъ правду о прошломъ, съ трясущимися головами, и дрожащими указательными пальцами, поднятыми вверхъ въ видѣ предостереженія. „Голоды!“ „Мы ѣли крысъ, когда мы находили ихъ“. „Они не поколеблятся снести Notre-Dame“. „Я собирался уѣхать не ради самого себя, а изъ-за дѣтей! Бѣдные, несчастныя созданія!“

Въ этой толпѣ не было шума и не было паники. Крики и плачъ женщинъ не покрывали собой обычнаго говора толпы. Не было и свалки около платформъ станцій, закрытыхъ для всѣхъ. Нѣсколько женщинъ тихо плакали, вытирая свои глаза. Возможно, что онѣ плакали просто изъ за усталости, просидѣвъ цѣлые часы на своемъ багажѣ. У большинства мужчинъ былъ угрюмый видъ, и они повторяли старое избитое слово „Incroyable!“ смущенно и мрачно. Печаль и страхъ сказывались въ настроеніи этихъ бѣглецовъ, печаль о томъ, что Парижъ, прекрасный Парижъ, можетъ быть разрушенъ, и что всѣ ихъ надежды на побѣду погибли благодаря пораженію.

Среди всѣхъ этихъ штатскихъ видны были солдаты многихъ полковъ и двухъ націй: туркосы и зуавы, пашсеры и пѣхотинцы, англійскіе и шотландскіе солдаты. Многие изъ нихъ были ранены и лежали на полу среди кричащихъ младенцевъ и усталыхъ женщинъ. Многие изъ нихъ пили и были пьяные. Они чокались и произносили тосты по-французски, англійски и на шотландскомъ нарѣчій: „Къ чорту Кайзера!“ и „à bas Guillaume!“ Англійскій Томми съ выговоромъ Fulham Road стоялъ на стулѣ, вцѣпившись, чтобы не упасть въ плечо французскаго драгуна, и держалъ безсвязную рѣчь, въ которой онъ поносилъ французскихъ солдатъ какъ грязныхъ собакъ, которые удирали какъ ублюдки, поджавъ хвостъ, клялся, что онъ ни за что не оставилъ бы Англіи для такой подлости, если бы онъ зналъ, что будетъ,

и надѣялся, что Китченеръ сломить свою проклятую шею на дворѣ Букингемскаго дворца. Французскій драгунъ привѣтствовалъ эти чувства, восклицая, „Bravo, mon vieux!“ не понимая ни слова, и пьяный закачался и упалъ на мраморный столикъ среди звона разбитыхъ стакановъ.

— Такъ ему и надо, чертъ его побери!—сказалъ сержантъ, съ которымъ я говорилъ. Какъ много другихъ англійскихъ солдатъ, которые дрались при отступленіи десять дней, онъ держалъ высоко голову и не палъ духомъ.

— Мы дрались все время и днемъ, и ночью,—сказалъ онъ.— Отдохнули только тогда, когда отступали, а мерзавцы нѣмцы слѣдовали по пятамъ за нами.

Онъ говорилъ о нѣмецкой арміи какъ о цѣломъ народѣ, двигавшимся на нихъ скопомъ.

— Вы не можете смять такую массу людей! Мы били и били ихъ, а все-таки они лѣзутъ впередъ. Повидимому, у нихъ безконечное количество резервовъ. Только что мы остановимъ ихъ наступленіе, а уже свѣжія силы опять наступаютъ на насъ. Невозможно удержать такую массу людей, ничего не подѣлаешь съ ними!

У этого жестоко раненаго солдата было такъ много самообладанія и здраваго смысла, что онъ былъ въ состояніи правильно опредѣлить общее положеніе.

— Неправильно думать, что мы потерпѣли пораженіе,—замѣтилъ онъ.—Правда всегда останется правдой. Можно допустить, что мы пострадали сильно. Можетъ быть, изъ батальона вышло двѣнадцать процентовъ. Но что же такое? Нужно было ожидать этого. Война не пикникъ. Кромѣ того, что же изъ того, если одинъ батальонъ уничтоженъ, сметенъ съ лица земли? Это еще не означаетъ пораженія. Когда одинъ полкъ несетъ потери, другой отдѣляется легко.

Эти слова сержанта Эсекскаго полка помогли мнѣ понять истину того, что случилось. Онъ держался того же самого мнѣнія, какъ и многіе офицеры и солдаты, съ которыми я бесѣдовалъ. Взявъ показанія очевидцевъ съ тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ, и съ помощью моего друга Философа, мудрость котораго засіяла яркимъ свѣтомъ послѣ стакана Дюбонне и мышьяковой пилюли, поднявшей его изъ пропасти мрачныхъ мыслей на высоту блестящаго оптимизма, основаннаго на непогрѣшимой логикѣ, я былъ въ состояніи послать корреспонденцію въ Англію, которая ободрила и подняла ея духъ послѣ дня унынія и тоски.

Я тоже стремился добраться до морского побережья не для того, чтобы избѣжать нашествія нѣмцевъ, такъ какъ я рѣшилъ принять отчаянные мѣры къ тому, чтобы вернуться къ началу осады Парижа, если исторія будетъ написана въ этомъ смыслѣ, но для того, чтобы найти пароходъ и перевезти мою корреспонденцію черезъ Ламаншъ. Я ждалъ съ толпой бѣглецовъ, боролся

съ ними изъ-за мѣста въ поѣздѣ, который отошелъ при разсвѣтѣ, и опять выдержалъ одно изъ тѣхъ путешествій, неудобства котораго не давали спать, пока усталость не заставляла впасть въ безсознательность, отъ которой я пробуждался къ трагической дѣйствительности съ больной шеей и затекшими членами.

Мы ѣхали окруженнымъ путемъ вокругъ Парижа, по направлению къ западу, и на каждой станціи наши вагоны были осаждены толпами народа, старавшагося тоже уѣхать.

Но всѣ мольбы, жалостныя слова, демонстрированье испуганныхъ дѣтей и плачущихъ младенцевъ не могли очистить ни одного мѣста въ набитыхъ биткомъ вагонахъ. Невозможно было впустить больше никого.

На меня находило искушеніе уступить мое мѣсто. Казалось позорнымъ сидѣть въ вагонѣ втиснутымъ между двумя крестьянами, въ то время какъ блѣдная, испуганная женщина, съ ребенкомъ въ рукахъ просила хоть немного пожалѣть ее и дать ей немного мѣста. Но я ѣхалъ съ важными новостями для англійскаго народа. Англичане тоже находились въ тоскливомъ ожиданіи, потому что непріятель подступилъ такъ близко къ Парижу въ погонѣ за ихъ маленькой арміей, которая, казалось, была сметена съ лица земли за той таинственной завѣсой, черезъ которую проходили только сбивчивые и страшные слухи. Я продолжалъ сидѣть съ горящимъ отъ стыда лицомъ, записывая мою депешу часъ за часомъ, не осмѣливаясь взглянуть въ лица этихъ женщинъ, которыя пошли назадъ въ состояніи мрачнаго горя послѣ ихъ жалобной мольбы.

Гигантскія стада скота направлялись въ Парижъ. Дороги на цѣлыя мили были заняты ими, и по другимъ дорогамъ отъ Парижа тянулись вереницы семействъ по полямъ съ ихъ вещами, наваленными на тачки, на телѣги и на всевозможные экипажи.

Въ Понтуазѣ произошелъ опять переполохъ, объясняемый тѣмъ, что нервы пассажировъ были напряжены до крайности. Двѣ батареи артиллеріи расположились около желѣзнодорожнаго полотна, и полкъ пѣхоты укрывался въ ложбинѣ, покрытой травой. Погруженный въ сонный кошмаръ, такой же фантастическій, какъ и дѣйствительность, такъ что между сномъ и бодрствованіемъ не было раздѣльной линіи, я открылъ глаза и увидалъ въ травѣ загорѣлыя бородатыя лица съ озабоченными глазами надъ рядомъ ружейныхъ стволовъ, направленныхъ къ сѣверу. Философъ такъ же проснулся сразу, какъ и я. Онъ протеръ свои глаза и затѣмъ сѣлъ прямо, какъ стрѣла, съ напряженнымъ и озабоченнымъ видомъ, какъ бы стараясь проникнуть въ суть вещей своимъ пристальнымъ взглядомъ.

— Дѣло плохо,—сказалъ онъ.—Эти ребята въ травѣ, повидимому, ждутъ чего-то сквернаго!

Стратегъ разложилъ на своихъ колѣняхъ карту, которая прикрывала его сосѣдей съ обѣихъ сторонъ.

— Если нѣмцы перерѣжутъ здѣсь путь, изъ Парижа больше никому не выбраться. Это было бы выгодно съ ихъ точки зрѣнія.

Я былъ огорченъ, что мое сообщеніе англійскому народу такъ и не будетъ прочитано имъ. Возможно, что въ концѣ-концовъ они обойдутся и безъ нея, а моя газета назначить другого корреспондента, чтобы замѣнить того, который затерялся гдѣ то въ рядахъ нѣмцевъ. Это было бы забавное приключеніе. Я представлялъ себѣ воображаемый разговоръ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ съ офицеромъ въ остроконечной каскѣ. Въ всякихъ сомнѣній у него были бы лучшіе доводы. Возможно, что мнѣ пришлось бы опереться на бѣлую стѣну передъ ружейными стволами и...

Вражескій аэропланъ пролетѣлъ надъ нашими головами, описавъ кругъ и затѣмъ исчезъ. Онъ не бросилъ бомбъ, а только удовлетворился развѣдкой. Раздался рѣзкій свистокъ паровоза, и послышался радостный крикъ французскихъ артиллеристовъ; когда мы помчались дальше въ безопасныя мѣста, оставивъ ихъ на ихъ опасномъ посту.

Такимъ образомъ, мое сообщеніе въ концѣ-концовъ попало на Флитъ-стритъ, заполнило рядъ столбцовъ и было прочитано за чашкой кофе англійскими семьями, которыя, быть можетъ, говорили:

— Любопытно было бы знать, дѣйствительно ли онъ видѣлъ что-нибудь, или все это выдумки. Знаемъ мы этихъ журналистовъ...

У этихъ журналистовъ нѣ было отдыха въ ихъ поискахъ за дѣйствительностью, и сказать по совѣсти, они не особенно-то беспокоились о томъ, что подумаетъ и скажетъ англійская публика, а только старались видѣть побольше картинъ великой драмы и погрузиться снова въ ея удивительный водоворотъ.

Прежде чѣмъ бѣглецы, ѣхавшіе съ нами, успѣли такъ сказать, понюхать запахъ моря, мы опять были на пути въ Парижъ, стараясь попасть туда раньше, чѣмъ онъ будетъ окруженъ непріятельской арміей и огненнымъ кольцомъ его артиллеріи.

13.

Нѣкоторые утверждаютъ, что въ Парижѣ не было никакой паники, когда у его воротъ стояли нѣмцы... „Спокойствіе, съ которымъ Парижъ ждетъ осады, изумительно“, пишетъ одинъ изъ моихъ коллегъ и добавляетъ къ этой фразѣ: „Здѣсь нѣтъ и слѣда паники“. Онъ правъ, если подъ паникой подразумѣвать дикій страхъ толпы людей бѣгающихъ кругомъ, вырывающихъ у себя цѣлые пучки волосъ и кричащихъ въ припадкѣ ужаса. Нѣтъ, въ Парижѣ не было слышно криковъ отчаянія, когда непріятель подошелъ къ его воротамъ. Но если подъ паникой позволено разумѣть сильный страхъ, быстро распространяющійся среди огромной массы людей, заразительный до такой степени, что обыкновенно храбрые люди чувствовали внезапный холодъ въ сердцахъ и отчаянно искали возможности бѣжать отъ угрожавшей опасности, тогда Парижъ былъ охваченъ паникой.

Я много писалъ о храбрости Парижа, храбрости такой стойкой и благородной, какую можно только встрѣтить въ исторіи, и въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ этой книги я надѣюсь показать какъ силу, такъ и слабость Парижа. Но если держаться правды, я долженъ описать исходъ изъ Парижа полутора милліона людей, охваченныхъ страхомъ—иначе что же это было?— и бѣжавшихъ всякимъ способомъ и по всѣмъ дорогамъ изъ столицы, которую они любили больше всѣхъ городовъ въ мірѣ, потому что тамъ они жили и тамъ находилось все то, чѣмъ они гордились.

Въ тѣ послѣдніе дни, прежде чѣмъ миновала опасность, желѣзнодорожныя станціи осаждались днемъ и ночью огромными толпами, одну изъ которыхъ я видѣлъ въ ночь на второе сентября. Такъ какъ множество мостовъ было взорвано, и много желѣзнодорожныхъ линій къ Калэ и Булони было разрушено съ тѣмъ, чтобы затруднить наступленіе непріятеля, а также и вслѣдствіе того, что оставшіеся пути были заняты перевозкой войскъ, заготовить поѣзда для бѣженцевъ было совершенно невозможно. Къ югу отъ Парижа дороги были свободнѣе, хотя опять таки съ юга къ мѣстности, угрожаемой непріятелемъ, были быстро двинуты полки французскихъ солдатъ. Желѣзнодорожные служащіе работали со страшнымъ напряженіемъ, приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы такъ или иначе уменьшить населеніе Парижа. Съ военной точки зрѣнія уменьшеніе населенія представлялось крайне желательнымъ. Чѣмъ меньше ртовъ кормить въ осажденномъ городѣ, тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, были заняты всѣ пассажирскіе поѣзда, пришлось обратиться къ скотскимъ вагонамъ и въ нихъ-то, благодаря Бога и всѣхъ святыхъ, бросились изящныя французскія дамы, не обращая вниманія на грязь, которая пачкала ихъ шелковыя платья, и богатые американцы, пріѣхавшіе ради безопасности издалека въ Парижъ и предлагавшіе огромныя деньги каждому, кто уступитъ имъ свое мѣсто за деревянной рѣшеткой вагона, и семейства буржуа, закрывшихъ магазины отъ Rue de la Paix до Place Pigalle, равнодушныхъ къ убыткамъ и разоренію и всей душой стремившихся избѣгнуть нѣмецкихъ снарядовъ и ужасовъ осажденного города.

Среди толпившихся на станціяхъ встрѣчались люди, переживавшіе страшную трагедію. Я могъ только догадываться о томъ, какова была ихъ жизнь, по болѣзненному выраженію глазъ и рта старыхъ дѣвъ, описанныхъ Бальзакомъ, скрывавшихъ свое жалкое существованіе въ дешевыхъ квартирахъ Парижа и появившихся на ослѣпительно яркое солнцѣ парижскихъ улицъ подобно узникамъ, выпущеннымъ на свободу благодаря землетрясенію, и по удивленному выраженію лица тѣхъ бѣдняковъ, которые избѣгали радостей жизни и проводили свои дни въ изученіи наукъ и искусствъ, ниспровергнутыхъ ужасами войны.

Люди всѣхъ классовъ общества и всѣхъ разновидностей жизни смѣшались въ Парижѣ во время этого похода и среди нихъ были и тѣ, которыхъ я зналъ, такъ что нечего мнѣ было догадываться, какова была ихъ жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ цѣлыя недѣли занимались своими дѣлами, стараясь не замѣчать окружающей

ихъ нервности и слушая съ презрительной усмѣшкой всѣ разговоры о грозящей опасности. Но незамѣтный страхъ овладѣлъ ими, ихъ нервы не выдержали, мужество и чувство долга покинуло ихъ, и они украдкой пробирались на станціи, какъ бы опасаясь свѣта дня. Слѣдуетъ полагать, что литература преувеличила неврастенію нашего вѣка, такъ какъ мы видѣли, что старій духъ предковъ все также силенъ и крѣпокъ до сихъ поръ, но все-таки неврастенію нельзя считать мифомъ, и Богъ знаетъ, сколько мученій причинила она парижанамъ, когда великій страхъ подступалъ все ближе и ближе, такъ что, казалось, онъ вотъ-вотъ вцѣпится въ горло этимъ несчастнымъ существамъ.

Тысячи и сотни тысячъ парижанъ не могли или не хотѣли ждать поѣздовъ. По южной дорогѣ, которая идетъ до Тура, тянулась сплошная стѣна бѣглецовъ. Они передвигались въ экипажахъ всякаго рода: въ таксомоторахъ, за которые богатые люди платили баснословныя деньги, въ автомобиляхъ, которые избѣгнули военной реквизиціи, на фермерскихъ телѣгахъ, нагруженныхъ нѣсколькими семействами и грудami домашнихъ вещей, которыя тащили лошади уже усталыя до полусмерти, благодаря тяжести груза; на фаэтонахъ, догъ-картахъ и на безчисленныхъ велосипедахъ.

Но большинство шло пѣшкомъ, и сначала пѣшеходы шли бодро и весело: матери со своими младенцами на рукахъ, отцы съ дѣтьми на плечахъ. Вѣженцы принадлежали ко всѣмъ классамъ общества, такъ какъ ихъ положеніе и состояніе были уничтожены общей трагедіей. Элегантныя дамы, красота которыхъ извѣстна въ парижскихъ салонахъ, и легкомысліе которыхъ было главной цѣлью ихъ жизни, теперь уравнились съ крестьянами французскихъ пригородовъ и мидинетками Монмартра, и бодрость духа не скоро оставляла этихъ женщинъ.

Это была трагическая дорога. На каждой милѣ встрѣчались лишившіеся чувствъ и бѣдные старики, которые не были въ силахъ идти дальше, а сидѣли на скамьяхъ около изгороди, тихо плача и упрашивая своихъ молодыхъ спутниковъ оставить ихъ на произволъ судьбы.

Молодыя женщины, которыя пустились въ путь такъ весело и живо, набили себѣ ноги и, прихрамывая, подвигались впередъ съ лицомъ, искаженнымъ болью и усталостью. Многіе изъ таксомоторовъ, купленныхъ за огромныя деньги, поломались и были оставлены собственниками, которые продолжали свой путь пѣшкомъ.

Фермерскія телѣги попали въ рытвины и поломали колеса. Тачки, слишкомъ тяжелыя, чтобы ихъ тащить, стояли опрокинутыми съ домашними вещами, разбросанными на дорогѣ, и дѣтей несли дальше на рукахъ, пока не настала тьма, и единственнымъ убѣжищемъ для путниковъ служилъ стогъ сѣна въ полѣ, подъ лучами мѣсяца.

Я вернулся въ Парижъ съ юго-запада, пересѣкши Сѣну тамъ, гдѣ она дѣлаетъ петлю къ сѣверозападу, за фортами Сень-Жермэнъ и Сень-Дени. Путь здѣсь былъ, видимо, открытъ для непріятеля. Проникнутый постоянной мыслью, что нѣмцы придутъ съ

востока—фатальная ошибка французскаго генеральнаго штаба— Парижъ былъ опоясанъ тройной линіей фортвъ съ восточной стороны, отъ форта Экуанъ и Монморанси до укрѣпленій Шель и Шампиньи и дальше до Сюси и Вильнева. Но съ запада Парижъ былъ почти не защищенъ, и признакомъ полной неподготовленности являлось то обстоятельство, что въ настоящую минуту, когда я проѣзжалъ мимо, тысячи людей съ лихорадочной быстротой рыли траншеи на поляхъ и дорогахъ и воздвигали земляныя работы на берегахъ Сены. Боже мой! и такія-то работы были не закончены и оставлены до того времени, когда пушки врага уже катились по Крэлю и осыпали снарядами отступающихъ союзниковъ.

Покинутые дома парижскихъ пригородовъ представляли жалкое зрѣлище. Казалось какъ будто бы чума истребила всѣхъ жителей за исключеніемъ тѣхъ, что успѣли бѣжать въ паническомъ ужасѣ. Маленькія виллы на берегу рѣки, такія кокетливыя и нарядныя, убѣжища любви и мѣста отдохновенія, были всѣ заколочены и молчаливы. Розы цвѣли въ ихъ садахъ, цвѣли пышно, такъ какъ ни одна женская рука не срывала ихъ, и роняли свои лепестки на дорожки. Плющъ багровѣлъ на стѣнахъ, и лужайки напоминали бархатный коверъ, такъ были онѣ свѣжи и зелены. Повсюду замѣчался безпорядокъ, признакъ поспѣшнаго выѣзда. Хорошенькія лужайки были завалены ящиками, и повсюду были разбросаны картонки. Въ одной маленькой бесѣдкѣ я видѣлъ дѣтскую коляску, откуда двѣ восковыя куклы смотрѣли своими широко открытыми глазами на покинутый домъ. Ихъ маленькая маманъ съ маленькой косичкой оставила ихъ на произволъ судьбы, и лица куколъ покрылись пятнами отъ ночной росы. Въ другомъ саду на скамьѣ лежали дамскій зонтикъ и шляпа, отдѣланныя цвѣтами, рядомъ съ открытой книгой. Я представилъ себѣ французскую даму, оторванную внезапно отъ романа фальшивой сентиментальности явленіемъ суровой дѣйствительности — гуломъ непріятельскихъ пушекъ, хотя и чуть слышнымъ, но грознымъ и ужаснымъ для ушей перепуганныхъ женщинъ.

— Les Allemands sont tout près! *).

Грубый голосъ, произнесшій эти слова, ворвался въ тишину и спокойствіе этого сада на Сенѣ, и открытая книга съ зонтомъ и шляпой были забыты въ бѣгствѣ.

Однако, здѣсь, на берегахъ Сены, можно было видѣть одинокую фигуру, придававшую спокойствіе этой пустынѣ, охваченной страхомъ. Это былъ рыбакъ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ съ соломенной шляпой на затылкѣ и съ парой огромныхъ очковъ на концѣ носа, онъ держалъ свое длинное удилище твердою рукой и ждалъ клева съ полнымъ равнодушіемъ къ нѣмцамъ, пушкамъ, ненависти, слезамъ и всѣмъ ничтожнымъ глупостямъ людей, которые не удятъ рыбу. Онъ былъ въ мирѣ со всей вселенной въ этотъ великолѣпный день съ золотымъ солнцемъ, голубымъ небомъ и черными тѣнями, падающими на воду отъ стволовъ де-

*) „Нѣмцы совсѣмъ близко!“

ревевъ. Этотъ рыболовъ стоялъ здѣсь какъ бы въ видѣ протеста противъ крушенія цивилизаціи и робости въ сердцахъ людей. Я снялъ передъ нимъ мою шляпу.

Ближе къ Парижу, въ маленькихъ огородахъ и на крошечныхъ клочкахъ земли женщины сгибались надъ капустой, и мужчины хлопотали около плодовъ земли. На одномъ изъ этихъ небольшихъ участковъ стояла крестьянская дѣвушка, упершись руками въ бока, и смотрѣла на куръ, которыя дрались и кудахтали надъ зернами, которыя она только что бросила имъ. На ея губахъ была улыбка. Она казалась погруженной въ созерцаніе пернатой толпы. Знала ли она, что нѣмцы приближаются къ Парижу? Если знала, она не испытывала страха.

Какъ тихо было въ огромномъ городѣ! Какъ непривычно и мертво тихо! Мои шаги и шаги спутниковъ рѣзко раздавались по тротуарамъ, какъ будто бы мы шли черезъ огромные и пустынные покои. Неужели это Парижъ — этотъ городъ съ запертыми магазинами, съ заколоченными окнами и пустыми улицами? На Rue de la Paix больше не было видно драгоценностей. Ни одинъ брилліантъ не сверкалъ за стеклами витринъ. Въ сущности не было видно и оконъ, но только желѣзные шторы, опущенныя надъ ними, какъ вѣки мертвеца. На Avenue de l'Opéra не было ни одного проводника тевтонскаго происхожденія, который подошелъ бы къ намъ съ привычными словами: „Нуженъ гидъ, сэръ?“ „Хорошенькія женщины, сэръ?“ Хорошенькія женщины исчезли. Гиды исчезли. Жизнь покинула Парижъ.

Это было рано утромъ, и мы чуть не падали отъ голода и усталости, не спавъ всю ночь.

— Полцарства за коня! — воскликнулъ Философъ голосомъ, который, казалось, исходилъ изъ дѣвственныхъ лѣсовъ Мадейры, въ которыхъ когда-то, какъ и теперь въ Парижѣ, онъ забылъ все, къ чему привыкъ и чему выучился.

На улицѣ показался старый, престарый извозчикій экипажъ съ рахитичной лошадыю, которая плелась безцѣльно по пустымъ улицамъ, и со старымъ cocher *), который посматривалъ вокругъ себя, какъ бы сомнѣваясь, гдѣ онъ находится.

Онъ отчаянно вздрогнулъ, когда мы окликнули его, и устался на насъ, какъ на видѣнія кошмара послѣ неумѣреннаго употребленія абсента. Я долженъ былъ повторить ему адресъ три раза, прежде чѣмъ, онъ меня понялъ.

— Hôtel St. James... Ecoutez donc, mon vieux! **).

Онъ щелкнулъ бичемъ въ знакъ того, что пробудился къ дѣйствительности жизни.

— Allez! ***) — закричалъ онъ своей клячѣ.

Наше прибытіе въ Hôtel St. James произвело сенсацію и полный переполохъ. Я думаю, что консьержъ съ женой вообразили, что пришли нѣмцы, когда они услышали ужасный шумъ отъ копытъ нашей лошади, раздавшійся какъ громъ среди мертваго молчанія

*) Кучеромъ.

**) „Послушайте, старина“.

***) — „Пошелъ!“

ихъ двора. Управляющій, помощникъ управляющаго, старшій лакей, жена старшаго лакея, горничная и поваръ привѣтствовали насъ съ удивленіемъ людей, видящихъ выходцевъ съ того свѣта.

— Огель закрытъ. Всѣ бѣжали! Мы здѣсь совершенно одни!

Я былъ радъ прибавить маленькую черточку къ исторіи этого стараго зданія, гдѣ жилъ герцогъ де Ноайль, гдѣ вѣнчался Лафайетъ и гдѣ Марія-Антуанетта видѣла лица призраковъ — мертвыя лица смѣющихся дѣвушекъ — когда она шла на эшафотъ. Это былъ странный случай въ исторіи зданія, когда три англійскихъ журналиста первые открыли его послѣ великаго бѣгства изъ Парижа.

Рано утромъ послѣ недолгаго сна мы трое прошли по Avenue des Champs Elysées и обратно отъ Триумфальной арки. Осенняя листва начала осыпаться, и кругомъ царилъ такая тишина, что можно было слышать шорохъ листа, падавшаго на землю. Дѣти не рѣзвились подъ деревьями и не ловили товарища вокругъ Petit Quignol. На каменныхъ скамейкахъ больше не сидѣли женщины со сверкающими на солнцѣ вязальными спицами. Ни одинъ студентъ съ черной шевелюрой не ласкалъ руки хорошей couturière. Ни одинъ честный буржуа съ толстымъ животомъ не прогуливался по аллеѣ, медленно выступая и размышляя о тайнахъ жизни, которая почему-то дѣлаетъ нѣкоторыхъ людей миллионерами. Ни одной кареты и ни одного экипажа какого бы то ни было рода, за исключеніемъ единственнаго велосипеда, не было видно тамъ, гдѣ обыкновенно царилъ такое движеніе и суета.

Философъ былъ молчаливъ, думая объ ужасныхъ вещахъ, при чемъ его худое лицо преобразилось, благодаря какому-то возвышенному чувству. Только когда мы пришли къ Palais des Beaux Arts, онъ вдругъ остановился и поднялъ два пальца къ голубому небу, подобно пророку, благословляющему колѣнопреклоненныя массы людей.

— Благодареніе Великой Силѣ! — сказалъ онъ съ торжественнымъ благочестіемъ невѣрующаго, который понимаетъ Бога только какъ духа, проявляющагося на пустынныхъ водахъ и подъ бушующими морями, въ жизни цвѣтовъ и звѣрей и въ рѣдкой жалости людей другъ къ другу.

Мы не смѣялись надъ нимъ. Только тотъ, кто зналъ Парижъ и любилъ его красоту, можетъ понять трепетъ, охватившій насъ въ это сентябрьское утро, когда мы ожидали слышать ревъ пушекъ и видѣть начало страшнаго разрушенія. Парижъ все еще былъ цѣль! Какимъ-то чудомъ врагъ не коснулся его красоты. Какъ рѣзко и ясно выступали всѣ его зданія подъ безоблачнымъ небомъ! Лучи свѣта блистали на мѣдныхъ крылахъ лошадей надъ мостомъ императора Александра, и куполь Инвалидовъ сіялъ, какъ золотая корона надъ свѣжно-бѣлымъ дворцомъ. Сена несла свои сверкающія черныя воды подъ мостами и далеко, далеко мимо домовъ и деревьевъ ея острововъ. Ко всей этой картинѣ Парижа, нарисованной мастерской рукой въ теченіе многихъ столѣтій, присоединялись башни Notre-Dame, слабо обрисовывав-

шіяся на голубомъ фонѣ неба. О, прекрасный городъ-мечта, гдѣ находили обиталище высочайшіе полеты духа—наряду съ крайними проявленіями порока—гдѣ ради красоты страдало, боролось и гибло такъ много человѣческихъ сердецъ, гдѣ жили и смѣхъ, и агонія, и слезы, гдѣ страстно любили свободу и умерщвляли ее, и гдѣ любовь искупала тысячу преступлений, я, хотя и англичанинъ, заплакалъ, любуясь тобой, потому что въ этотъ историческій день красота твоя не была уничтожена.

ГЛАВА V.

НАЧАЛО ОТЛИВА.

1.

Нѣмцы не дошли до Парижа. Даже теперь, вспоминая прошлое, я иногда задаюсь вопросомъ, почему они уклонились вназапно къ юго-востоку, минуя свою цѣль. Только для Парижа они пробивали свой путь къ западу и югу, сражаясь непрерывно отъ Монса и Шарлруа до Сень-Кантена и Амьена и дальше у Крэля и Компіэня, не щадя человѣческой жизни, какъ будто она была только соромъ для помойной ямы. Ихъ награда, Парижъ, великій и прекрасный Парижъ, казалось, уже былъ въ ихъ рукахъ, и вѣсть о его паденіи раздалась бы какъ роковой ударъ грома для французскаго и британскаго народовъ, донесшись до Россіи, какъ убійственное доказательство могущества Германіи.

Какъ я сказалъ раньше, весь сѣверо-западный уголъ Франціи былъ обнаженъ отъ войскъ за исключеніемъ немногихъ территоріальныхъ солдатъ плохо обученныхъ и плохо вооруженныхъ, на которыхъ никогда и не надѣялись, что они могутъ выдержать напоръ императорскихъ войскъ, наступающихъ цѣлыми ордами съ массой артиллеріи, при приближеніи которыхъ бѣдные территоріалисты бѣжали подобно овцамъ въ паникѣ. Форты Парижа съ западной стороны не выдержали бы и полъ-сутокъ противъ нѣмецкихъ пушекъ. Вся лихорадочная дѣятельность по сооруженію траншей была только горестнымъ доказательствомъ неподготовленности Парижа къ защитѣ. Непріятель смялъ бы ихъ на подобіе грознаго прилива. Маленькая британская армія еще держалась, но потери ея были тяжелы, и она еще не оправилась послѣ ея поспѣшнаго отступленія. Армія Парижа ждала битвы и сражалась бы до послѣдняго человѣка, но безъ поддержки со стороны другихъ армейскихъ корпусовъ, находящихся за день пути, ея положеніе было опасно, и если бы правое крыло непріятеля было брошено на нее со всей силой, она могла бы быть раздавлена и уничтожена. У фонъ-Клука было въ распоряженіи двадцать четыре часа. Если бы онъ воспользовался этимъ временемъ, прежде чѣмъ Жоффри пришелъ со своими полками на выручку, нѣмецкіе сапоги застучали бы отъ Place de la République до Place de la